ИЗ ДНЕВНИКА
ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСЕЕВА

»Я вообще человѣкъ дѣятельности, быть лѣтописцемъ, хотя бы только для себя, мнѣ несвойственно.« Эта фраза из дневника ген. М. В. Алексеева характеризует его автора.

Но ген. Алексеев вел систематические отметки в записной тетради, куда заносил статистические данные о состоянии армии, чертежи расположения военных сил на фронте и копии важнейших депеш военного и политического характера. Две таких объемистых тетради, охватывающие вторую половину 1916 г. и первые месяцы 1917 года, когда ген. Алексеев состоял начальником штаба Верховного Главнокомандующего при Императоре Николае II и Верховным Главнокомандующим после революции (март—май 1917 г.), имеются в фондах Р. З. И. Архива. Только в июне после вынужденного ухода с поста Верховного Главнокомандующего ген. Алексеев начал вести »некоторые заметки« о революционных событиях, нечто вроде дневника.

Эта часть второй тетради (июль—август 1917 г.) и печатается в настоящем сборнике. Основным содержанием »заметок« ген. Алексеева являются его письма к князю Г. Е. Львову, А. Ф. Керенскому и ген. Скугаревскому. До тех пор, пока не будут найдены оригиналы этих писем, их копии, переписанные в тетради рукой ген. Алексеева, останутся наиболее ценной частью публикуемых записок. Они являются надежным документом не только для понимания личности выдающегося полководца, но и для изучения настроений высшего командного состава русской армии после неудачи июньского наступления и после провала первого выступления большевиков в июле 1917 г.

В записях ген. М В. Алексеева чувствуется и та атмосфера, в которой созрело позднее выступление ген. Л. Г. Корнилова. В этом смысле имеют большое значение записи ген. Алексеева, относящиеся к истории совещания генералов с А. Ф. Керенским в Ставке 15 (28) июля 1917 года, о ходе которого ныне уже достаточно известно из других источников.

ЯН СЛАВИК.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢТКИ И ПИСЬМА ПОСЛѢ МОЕГО ОТЧИСЛЕНІЯ ОТЪ КОМАНДОВАНІЯ.

Іюнь 1917.

Генералу Скугаревскому.[1])

Какъ ни тяжело было за послѣдніе мѣсяцы командованіе арміями, какъ ни быстро шло разложеніе частей, я не рѣшился бы самъ оставить управленіе и обратиться въ посторонняго зрителя борьбы, которой въ теченіи почти трехъ лѣтъ отдалъ всѣ свои силы безъ остатка. Только въ наиболѣе тяжкія минуты, когда въ одинъ день получалось много телеграммъ о непорядкахъ въ полкахъ, арестѣ начальниковъ, изгнаніи прочныхъ, хорошихъ офицеровъ, объ отказѣ идти на позиціи, когда излагались заключенія начальниковъ, какъ выводъ изъ наблюденій и настроеній, что съ такими войсками осуществленіе какой либо оперативной задачи немыслимо ... только въ такія минуты созрѣвало желаніе уйти, сознать свое безсиліе, передать дѣло въ другія руки, которыя, быть можетъ, окажутся и болѣе умѣлыми, и болѣе счастливыми.

Но это были только минуты. Сознаніе обязанностей и долга передъ родиной заставляло бороться со своей слабостью, искать пути къ оздоровленію больного организма арміи и жить надеждою, что болѣзнь еще не окончательно подорвала ея духовныя силы.

Я оказался неудобнымъ, неподходящимъ тѣмъ темнымъ силамъ, въ рукахъ которыхъ, къ глубокому сожалѣнію, безотвѣтственно находятся судьбы Россіи, судьбы арміи. Не вѣдая, что творятъ, не заглядывая въ будущее, мирясь съ позоромъ націи, съ ея неминуемымъ упадкомъ, онѣ — эти темныя силы — видѣли только одно, что начальникъ арміи, дерзающій имѣть свое мнѣніе, жаждущій возрожденія въ арміи порядка и дисциплины, живущій мыслью, что русская армія не имѣетъ права сидѣть сложа руки въ окопахъ, а должна бить непріятеля и освобождать наши русскія земли, занятыя противникомъ, — для нихъ неудобенъ и нежелателенъ.

Меня смели ...

Поздно вечеромъ 22./V. я получилъ телеграмму, что постановленіемъ Вр. Пр. я назначенъ въ его распоряженіе. Предлагалось сдать дѣла ген. Брусилову и прибыть въ Петроградъ.

Распоряженіе это не явилось для меня неожиданнымъ, хотя проѣзжав

шій мимо Могилева 20./V. Керенскій, разговаривавшій со мною около часа, не нашелъ достаточнаго мужества высказать мнѣ это откровенно, несмотря на то, что (какъ оказалось затѣмъ) на пути уже объявлялъ всѣмъ, что »Алексѣевъ долженъ оставить свой постъ«.

Мое удаленіе было поставлено на очередь давно . . . Осуществили его при первомъ удобномъ случаѣ.

Еще въ первой половинѣ марта, когда объявленныя »свободы« и »права« избрали главнымъ объектомъ армію, когда за развращеніе ея принялись и наемные на нѣмецкія деньги агенты, и доморощенные агитаторы, для которыхъ сильная, сохраняющая [власть] порядокъ и дисциплину армія представляла опасность, я отдалъ распоряженіе такихъ почтенныхъ дѣятелей задерживать и предавать военно-полевому суду.

За этотъ »контръ-революціонный« приказъ разнузданная печать въ видѣ »Рабочей Газеты«, »Правды« и пр. требовала въ отношеніи меня крутыхъ мѣръ. Ко мнѣ правительствомъ былъ командированъ генералъ, имя котораго, послѣ возрожденія нашей арміи, будетъ записано на позорную доску, чтобы убѣдить меня въ необходимости отмѣнить приказъ.[2])

Послѣ моего рѣшительнаго отказа и предложенія уволить меня въ отставку, дабы не дискредитировать власти начальника, отмѣнили не только военно-пол. суды, но пріостановили дѣйствіе и обычныхъ, т. е. корпусныхъ и армейскихъ судовъ; упразднили фактически уставъ дисциплинарный и оставили армію безъ правосудія, виновныхъ безъ наказанія, начальниковъ безъ власти, безъ вліянія, безъ возможности держать войсковой организмъ въ повиновеніи.

Вѣдь*) только не зная психологіи массы, не зная своего народа, можно утверждать, что »не арестами и расправами, а убѣжденіями и словами мы создадимъ новую революціонную армію . . .« Что за дѣло этимъ реформаторамъ въ арміи до вразумительныхъ уроковъ прошлаго и настоящаго, до богатаго чужого опыта, которымъ нельзя пренебрегать и которымъ нужно учиться. Когда нибудь и мы доростемъ до пониманія этой истины, но пока то мы живемъ во власти теорій, опасныхъ опытовъ и исканія путей, по которымъ никто никогда не рѣшался ходить.

Великодушно оставили начальнику, особенно офицеру, отвѣтственность, право быть униженнымъ, оскорбленнымъ, побитымъ, даже убитымъ. И всякій начальникъ, пытавшійся въ эти тяжкія минуты сохранить во ввѣренной части дисциплину, карался самовольнымъ отрѣшеніемъ »снизу«. »Сверху« нѣмымъ согласіемъ санкціонировали этотъ произволъ.

Результаты дѣятельности не замедлили сказаться: развалъ арміи пошелъ быстрыми шагами и уже въ началѣ апрѣля высшіе начальники высказывали мнѣніе, что »о наступательной операціи съ такой арміей немыслимо думать; хорошо, если противникъ самъ атакуетъ; войска будутъ только сидѣть въ окопахъ и [дѣлаютъ] проявятъ способность защи-

*) *Весь следующий абзац на отдельном листке, вклеенном в текст.*

щаться«. Но непріятель предпочелъ продолжать атаку деньгами, прокламаціями, пропагандою, водкою, братаньемъ. Это стоило дешевле и отвѣчало интересамъ стратегической обстановки на западномъ фронтѣ. Такой способъ дѣйствій [отвѣчалъ] былъ выгоденъ и потому, что нѣмецъ и австріецъ нашли могучаго союзника въ лицѣ большевиковъ, проповѣдь которыхъ широко разлиласъ по фронтовымъ и тыловымъ частямъ нашей арміи, никѣмъ не сдерживаемымъ . . . Явились »Окопная Правда«, »Солдатская Правда«, »Рабочая Газета«.[3]) Онѣ дружно рыли и роютъ могилу честности воина, сознанію имъ своего долга передъ Родиной, готовности жертвовать собой . . .

Продолжали свою разрушительную работу и высшіе отвѣтственные дѣятели арміи въ Петроградѣ. Забывая говорить объ обязанностяхъ солдата, развивали вопросы о его правахъ. Выработана »декларація правъ военнослужащихъ«. Въ бытность въ Петроградѣ 21./IV. я отказался обсуждать ее, какъ актъ вредный для блага арміи.

На оффиціальный запросъ объ этой деклараціи отвѣтилъ я рѣзкою критикою, увеличивая этимъ постепенно число моихъ »преступленій«.

Угрожающія отовсюду донесенія о настроеніи войскъ заставили меня собрать въ Могилевѣ 1./V. всѣхъ главнокомандующихъ (кромѣ Кавказа), чтобы обсудить мѣры и въ зависимости отъ состоянія арміи намѣтить время возможнаго приступа къ дѣятельности. Нерадостная картина развернулась передъ всѣми, картина разстройства войскъ, ихъ нежеланія драться, паденія власти и т. д. По общему настоянію я просилъ правительство вызвать всѣхъ гл-щихъ въ Петроградъ и выслушать ихъ въ соединенномъ засѣданіи министровъ, Исполн. Комитета Гос. Думы и Исполн. Комитета Совѣта Р. и С. депутатовъ. Нужно было, чтобы всѣ изъ первоисточника узнали, что представляетъ армія, что нужно для ея оздоровленія; нужно было, чтобы лѣкарства были изготовлены и примѣнены совмѣстными усиліями.

Такъ произошелъ вызовъ насъ въ Петроградъ и закрытое длительное засѣданіе 4./V. Кто проявилъ способность »ходить вокругъ и около«, тотъ обезпечилъ себѣ положеніе; кто говорилъ прямо, честно, открыто и неминуемо рѣзко, тотъ въ этотъ день подписалъ актъ своего удаленія. Нужно было для этого выждать [однако] »открытаго« проявленія неблагонамѣренности . . .

За этимъ дѣло не стало: разрѣшеніе мною офиц. съѣзда въ Могилевѣ, привѣтственныя слова, мною сказанныя; мой призывъ заняться только дѣлами арміи, не увлекаясь вредными для арміи платформами и исповѣданіемъ своего политическаго credo, граждански мужественное присоединеніе участниковъ съѣзда къ этому призыву . . . развѣ это малыя преступленія?

Развѣ корректное [по формѣ] письмо ген. Гурко,[4]) послѣ изданія деклараціи правъ военнослужащихъ, чуждое рѣзкости по содержанію и формѣ не являлось завершеніемъ обвинительного акта, составленнаго 4./V.?

Что оффиціально приписано Драгомирову,[5]) я не знаю, но это не важно, такъ какъ и его увольненіе рѣшено было 4./V. Армія во всякомъ случаѣ освобождена рукою властною, но безправною, отъ »неблагонадежнаго« элемента, не желающаго окончательно утратить свою закономъ опредѣленную самостоятельность и право имѣть свое мнѣніе.

Кто же »освободил«? Керенскій гдѣ то и кому-то выразилъ свою заслугу передъ Россіей, что »онъ въ 24 часа обновилъ высшій командный составъ«. Кн. Львовъ, при встрѣчѣ со мною 27./V. въ Петроградѣ, высказалъ, что »они понимаютъ, что поступили несправедливо, что мнѣ тяжело переживать, но я долженъ имѣть въ виду, что имъ приходится имѣть дѣло со стихійными явленіями, бороться съ которыми невозможно, что эта стихійная волна смываетъ сегодня васъ . . . а завтра, быть можетъ, меня«.

Кто же правъ? Думаю честнѣе и откровеннѣе, не рисуясь и не фиглярничая, высказалъ суть кн. Львовъ. Быть можетъ, потомъ, когда нибудь выяснится и та рука, которая руководила »стихіей« и сметала »неугодныхъ и неудобныхъ« начальниковъ.

Рука великаго »реформатора« арміи Гучкова вымела изъ нашихъ рядовъ въ наиболѣе острую и критическую минуту около 120 генераловъ на основаніи болѣе чѣмъ сомнительныхъ аттестацій анонимныхъ »талантливыхъ полковниковъ и подполковниковъ«. »Реформаторъ« мечталъ освѣжить командный составъ и вызвать »небывалый подъемъ духа въ арміи«. Послѣдняго не случилось, къ несчастью, а вреда сдѣлано не мало. Самъ »реформаторъ«, [натворивъ] положивъ прочное начало мно(го)му непоправимому на десятки лѣтъ для арміи, поспѣшилъ умыть руки въ дальнѣйшихъ ея судьбахъ.

Теперь думаютъ рѣчами, воззваніями, подыгрываніемъ на эпитетахъ создать »новую желѣзную« дисциплину, забывая о томъ, что матеріалъ то остался прежній и что для пересозданія его нужны поколѣнія. А пока новый цементъ для спайки не найденъ, старый забракован . . .; думаемъ какъ нибудь изъ стараго матеріала »образуется« . . .

Вотъ исторія моего отчисленія. Отставки мнѣ не даютъ, но не даютъ и никакого дѣла. Сказано, что пока я свободенъ и воленъ жить, гдѣ хочу, дѣлать, что желаю. Но до отставки я не могу найти себѣ занятій, безъ которыхъ въ силу разныхъ соображеній обойтись не могу. Противъ моего пребыванія въ роли хотя бы эксперта опять »стихіи«, которыя правятъ Россіей и куда то влекутъ ее. Даже въ скромномъ положеніи совѣтчика [и руководителя] я непріемлемъ, вѣдь въ такой роли нельзя [будетъ] молчать, соглашаться и равнодушно смотрѣть на [творимое въ] совершающееся въ арміи. А совершается нехорошее. Простите, что такъ разболтался. Тяжело послѣ кипучей работы очутиться въ положеніи ни для кого и ни для чего ненужнаго.

Князю Львову.[6]) Заказное. 6 іюля 1917.

Тяжелое время, переживаемое Россіей; позорныя событія, совершающіяся въ Петроградѣ, побуждаютъ меня сдѣлать еще одну попытку и обратиться къ Вамъ съ просьбою привлечь меня къ работѣ. Такъ жить больше Россія не можетъ; она погиб.етъ, если только твердою рукою не водворить порядка сначала въ Петроградѣ, а затѣмъ въ провинціи. Немыслимо вести войну, когда государство находится въ непрекращающейся жестокой лихорадкѣ, противъ которой не принимается никакихъ лѣкарствъ. Немыслимо оздоровить армію, когда позади нея совершаются безчинства, расшатывающія больной организмъ государства. Доказательства на лицо: вспышка наступат. характера ЮЗ. фронта угасла. Попытки повторить тоже на З. фр. не удаются. Я не говорю уже про то, что даже удавшаяся попытка т е п е р ь, спустя 3 недѣли послѣ 18 іюня, поднять Зап. фр. не можетъ имѣть н и к а к о г о с т р а т е г. з н а ч е н і я и не оправдаетъ потерь. Мѣняйте сколько угодно командующихъ арміями, отъ этого, кромѣ дальнѣйшаго разстройства войскъ, толку никакого не будетъ. Нужно начать съ водворенія порядка въ Петроградѣ и затѣмъ въ государствѣ настойчивою, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся рукою. Только въ этомъ спасеніе.

Въ этомъ постепенно убѣдитесь и Вы и члены правительства, какихъ бы взглядовъ они ни держались. Но важно, чтобы убѣжденіе это создалось скорѣе и родилась воля.

Въ тяжелыя минуты жизни Россіи я могу быть Вамъ полезенъ; я могу сослужить службу моей несчастной родинѣ, у меня есть воля; найдется кое-какое умѣнье. Мы переживаемъ кризисъ за кризисомъ: государственный организмъ ослабляется, истощается. А впереди уже обрисовалась н е и з б ѣ ж н о с т ь 4-й зимней кампаніи. Вѣдь къ ней нужно серьезно подготовиться, жить лихорадочно нельзя. Нужно подготовить армію, чтобы »товарищи«, побросавъ винтовки, не предпочли прогулку домой; нужно подготовить вопросъ продовольственный, который, при разрухѣ деревни, представитъ трудности, еще намъ неизвѣстныя; нужно спасти отъ окончательнаго развала желѣзныя дороги. И какъ много чего нужно! И безъ всего этого обойтись государству нельзя. Возбуждающіе кризисъ за кризисомъ, сознательно, за нѣмецкія деньги, толкаютъ Россію въ пропасть. Начнемъ съ ними энергичную борьбу; я предлагаю въ Ваше распоряженіе себя для этой цѣли, ибо не могу мириться съ умираніемъ моей родины. Прошу и т. д.

Князю Львову. 10 іюля 1917.

Только 9 іюля получилъ я Вашу телеграмму, прочитавъ уже ранѣе Ваше письмо временному правительству.[7]) Тяжелымъ ударомъ для Россіи было рѣшеніе министровъ партіи народной свободы уйти и снять съ себя

отвѣтственность за творящееся. Я имѣлъ еще надежду, что Вы останетесь во главѣ правительства и своимъ нравственнымъ авторитетомъ сдержите движеніе Вашихъ оставшихся сотрудниковъ въ сторону гибели отечества. Рухнула и эта надежда.

Для чего же мнѣ теперь стремиться къ работѣ активной? Я имѣлъ въ виду, сотрудничать съ Вами и тѣми членами правительства, у которыхъ »родина« и ея благо стояли выше всего. Развѣ я подойду къ взглядамъ тѣхъ, въ руки которыхъ, къ сожалѣнію, переходитъ управленіе?

Вашъ уходъ совпадаетъ съ тяжелымъ несчастьемъ Россіи, съ пораженіемъ арміи на Тарнопольскомъ направленіи.[8]) Со времени несчастной битвы въ Вост. Пр. въ августѣ 1914 г. не было пораженія столь чреватаго возможными послѣдствіями. При всѣхъ крупныхъ недостаткахъ минувшаго оно не знало такихъ неудачъ при наличіи войскъ, артиллеріи, снарядовъ.

Такимъ пораженіемъ подарила новая, »наиболѣе свободная въ мірѣ армія« (слова Керенскаго въ Могилевѣ, обращенныя къ солдатамъ). Съ первыхъ дней перехода къ новому строю всѣ честные начальники военные, хвостомъ не виляющіе и не умѣвшіе пресмыкаться, громко говорили и доносили военнымъ министрамъ, что армія идетъ къ полному развалу, утратѣ дисциплины, что съ такою арміею вести войну нельзя.

На первыя предостереженія Гучковъ отвѣтилъ, что »теперь нужно на все смотрѣть сквозь пальцы«. Приказъ за приказомъ отнималъ власть у начальниковъ, дискредитировалъ ихъ значеніе, уничтожалъ устои, на которыхъ всегда покоились, покоятся и будутъ покоиться во всемъ мірѣ способности арміи къ борьбѣ.

Но самъ Гучковъ началъ понимать, что дѣло плохо. Онъ, положивъ прочное начало развращенію арміи, ушелъ съ поста военнаго министра.

Съ задоромъ школьника взялся за дѣло преемникъ. Не зная основъ существованія вооруженной силы, не зная русскаго человѣка и русскаго солдата, не принимая во вниманіе психологіи толпы и массы, игнорируя все то, что далъ опытъ почти двухъ тысячъ лѣтъ, онъ сталъ во время упорнѣйшей войны искать новыхъ путей устройства и воспитанія арміи... Глупостью признано все то, что далъ опытъ всѣхъ народовъ, опытъ положительный и отрицательный... Рука спѣшно и нервно подписывала разныя »деклараціи правъ солдата«; рѣчи будили дурныя стороны натуры нашего солдата; всякіе совѣты вели невозбранно пропаганду; борьба съ нею была воспрещена; всякія преступленія единичныя и массовыя оставались безнаказанными; насилія надъ начальниками, если не поощрялись оффиціально, то и не преслѣдовались... Сколько прочныхъ, лучшихъ офицеровъ всѣхъ чиновъ выброшено изъ арміи, какъ будто ихъ работа, трудъ, ихъ честная готовность жертвовать собою не нужны Россіи... Какъ можно: разъ развращенные солдаты выгнали, то для высшаго представителя арміи остается одно... подписаться подъ волею солдатъ и отказаться отъ офицера.

Зато начались рѣчи безъ конца. »Свободные въ мірѣ« солдаты слушали и распускались все болѣе и болѣе соотвѣтственно съ дѣяніями, а не красивыми рѣчами.

На Тарнопольскомъ направленіи Россія, къ нашему великому горю, пожинаетъ плоды, сѣмена которыхъ посѣяны въ апрелѣ—іюлѣ этого года.

Войсковыми единицами отъ ротъ до армій включительно управляютъ наличіемъ законовъ, властью начальниковъ, выработанною этимъ путемъ дисциплиною, затѣмъ угрозою наказанья. Зачѣмъ для малоразвитого русскаго солдата всѣ эти якобы отжившіе свой вѣкъ способы, которыхъ держатся высоко цивилизованные народы? У насъ есть рѣчи . . . Рус. солдатъ заплатилъ своимъ »добрымъ министрамъ«, не вѣдавшимъ что творили, развалomъ и глубокимъ развратомъ арміи. Впрочемъ, чѣмъ виноватъ солдатъ? Онъ только оправдалъ жизненный законъ, который безнаказанно нарушать нельзя.

Я надѣялся, что подъ вліяніемъ позорныхъ событій въ Петроградѣ, да и въ другихъ городахъ Россіи, въ виду неправды, властно охватившей нашу деревню, начнется иной періодъ подъ Вашимъ руководствомъ. И хотѣлось работать усиленно въ цѣляхъ спасенія родины. Но впереди только большій развалъ; игра на грубыхъ инстинктахъ массы приведетъ къ результатамъ, учесть которые едва ли возможно. Въ такой работѣ я буду лишній, неподходящій работникъ . . .

Тяжелое, гнетущее чувство заставило меня написать эти строки, чувство солдата и бывшаго начальника, переживающаго позоръ арміи и отечества.

Прошу и т. д.

Моя первая запись 10 іюля 1917 г. Смоленскъ.

По телефону изъ Могилева С. М. Крупинъ[9]) передалъ:

XI армія, отскочивъ за р. Серетъ, остается сегодня на мѣстѣ; у противника, повидимому, нѣтъ достаточныхъ силъ, чтобы развить свой успѣхъ въ восточном направленіи; Тарнополь пока въ нашихъ рукахъ. Но зато на правый флангъ VII арміи давленіе продолжается и этотъ флангъ за 10 число отскочилъ еще на 10 верстъ по сравненію съ линіей, указанной 9 іюля. Противникъ, по получаемымъ развѣдкою свѣдѣніямъ, подвозитъ свои подкрѣпленія съ французскаго фронта и уже появились части гвардейскаго рез. корпуса.

Развалъ въ нашихъ войскахъ развивается; имѣются свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ частяхъ офицеры перебиты руками своихъ же мерзавцевъ солдатъ. Сегодня получено донесеніе, что въ одной изъ дивизій убитъ своими начальникъ штаба дивизіи.

На Зап. фр. у Деникина, послѣ усиленной артил. подготовки первая линія непріятельскихъ укрѣпленій взята, почти безъ боя, захвачена тысяча плѣнныхъ. Но послѣ этого негодяи »товарищи« вернулись въ свои

окопы, отказавшись отъ новыхъ трудовъ по укрѣпленію и оборудованію новой позиціи.

Въ штабѣ верх. главн-щаго настроеніе паническое, особенно у Брусилова: Боятся за участь VII арміи уже глубоко охваченной съ ея праваго фланга. Брусиловъ предоставилъ Керенскому полную свободу распоряженій и самъ даже въ оперативномъ отношеніи поставилъ себя въ полное ему подчиненіе.

Корниловъ донесъ о тяжеломъ положеніи фронта; говоритъ, что только возстановленіе военно-полевыхъ судовъ и смертной казни можетъ оздоровить армію и заставить измѣнниковъ-солдатъ драться съ врагомъ.

Керенскій спасеніе, повидимому, видитъ въ смѣнѣ начальниковъ. Удаленъ Эрдели и XI армія передана Балуеву.[10])

Вотъ тяжелая картина событій, нарисованная человѣкомъ, не все знающимъ и черезъ котораго только случайно проходятъ шифрованныя донесенія. Какъ ни мало прошло времени со дня оставленія мною поста верховнаго глав-щаго, въ штабѣ не осталось почти никого изъ моихъ сотрудниковъ, кто могъ бы оріентировать меня въ обстановкѣ и ходѣ событій. Неспокойно на душѣ и тревога закрадывается въ душу за каждый будущій день.

Развивать свое наступленіе къ востоку энергично и настойчиво непріятель не можетъ, не только потому, что у него пока нѣтъ для этого достаточно силъ, но и потому, что его собственное положеніе не безопасно. При наличіи энергіи и способности къ бою VII арміи (силъ у нея достаточно) она могла бы маневрировать и угрожать тылу прорвавшихся войскъ противника, вклинившихся въ наше расположеніе болѣе чѣмъ на 40 верстъ.

Весь вопросъ, въ какомъ состояніи находится VII армія. Судя по донесенію спокойнаго и не теряющаго самообладанія Корнилова положеніе тяжкое: части и неспособны и не хотятъ вести борьбу и дать въ руки своего глав-щаго средства для парированія опасности, для производства смѣлаго маневра. Нельзя упускать изъ вида, что противникъ стѣсненъ, имѣя не всѣ обозы и артиллерію запряженными, что большую часть тяжелой артиллеріи ему пришлось оставить позади, что въ его распоряженіи пока нѣтъ укрѣпленій, проволоки, убѣжищъ. Обстановка сводится къ полевому бою; еще на нашей сторонѣ превосходство силъ. Но у насъ — развалъ дисциплины, сплошное нежеланіе солдатъ драться и полное отсутствіе у начальниковъ средствъ заставить развращенныхъ людей вспомнить свой долгъ передъ родиной.

Да и кто сейчасъ помнитъ о родинѣ. Кто будетъ впослѣдствіи перечитывать многочисленныя рѣчи и воззванія къ арміи фигляра-Керенскаго и даже Брусилова съ изумленіемъ остановится передъ фактомъ, что великія понятія »родина«, »отечество«, »Россія« изгнаны изъ употребленія. Передъ кѣмъ отвѣтственна армія, по мнѣнію этихъ господъ? »Передъ революціей« или »передъ демократіей« . . . и только съ 5—7 іюля Керенскій

начинаетъ упоминать о »родинѣ« . . . Поздно; солдатъ уже забылъ объ этомъ, а пропаганда учила его, что »демократія« заключитъ миръ безъ аннексій и контрибуцій, что драться больше не нужно, что достаточно только »защищаться и вести оборону«.

Дѣйствительность показала, что и защищаться такая армія не можетъ . . .

Брусиловъ не измѣнился съ тѣхъ поръ, когда судьба близко заставила узнать его внутреннее содержаніе по обязанностямъ начальника штаба Юго-Зап. фронта. Тогда Брусиловъ командовалъ VIII арміей. Пока счастье на нашей сторонѣ, пока оно даритъ своей улыбкой, Брусиловъ смѣлъ, а больше, самонадѣенъ. Онъ рвется вперед, не задумываясь надъ общимъ положеніемъ дѣлъ. Онъ не прочь особливо въ присутствіи посторонняго слушателя пустить пыль въ глаза и бросить упрекъ своему начальнику, что его, Брусилова, удерживаютъ, что онъ готовъ наступать, побѣждать, а начальникъ не даетъ разрѣшенія и средствъ. И себѣ имя составляется, и начальникъ взятъ подъ подозрѣніе въ смыслѣ способностей, характера, порыва впередъ. Однажды Н. І. Ивановъ[1]) получилъ такое свѣдѣніе и запросомъ поставилъ Брусилова въ довольно неловкое положеніе; пришлось отречься въ томъ, что такой разговоръ былъ.

Но не всегда военное счастье даритъ насъ своею улыбкою. Нерѣдко оно оборачивается къ намъ спиною и неудача становится нашимъ удѣломъ. Вотъ пробный камень для полководца; сохранить въ этомъ положенiи ясность ума, спокойствіе духа, способность оцѣнки положенія, умѣнье найти средства и выходъ — вотъ качества, безъ наличія которыхъ нѣтъ полководца.

Этими качествами въ минуты несчастья и неудачъ щедрая природа не наградила Брусилова. Невольно вспоминается разговоръ въ декабрѣ (кажется) 1914 г., когда австрійцы, перейдя въ наступленіе изъ за Карпатъ противъ III, а особенно противъ растянутыхъ корпусовъ VIII армій, сильно потрепали нѣкоторыя части этой послѣдней арміи. Положеніе было не изъ легкихъ, но не безнадежное. Брусиловъ вызвалъ меня къ аппарату ЮЗА и поставилъ вопросъ, гдѣ ему собирать армію и какъ дѣйствовать. Пришлось успокаивать, указывать, что положеніе не столь безнадежно, что я готовъ бесѣдовать съ нимъ нѣсколько разъ въ день, но взять на себя рѣшеніе всѣхъ принадлежащихъ ему вопросовъ я стѣснялся бы въ силу того, что нельзя безнаказанно вторгаться въ область чужихъ обязанностей.

И не разъ повторялись такіе случаи до моего отъѣзда съ Юго-Зап. фронта. Въ періодъ тяжкаго отступленія въ апрѣлѣ—маѣ 1915 г. войска Юго-Зап. фр. изъ Галиціи ген. Ивановъ не мало жаловался на отсутствіе живой и увѣренной самодѣятельности Брусилова въ дни наиболѣе труднаго положенія.

И сейчасъ нуженъ спокойный, трезвый взглядъ, твердая рука и готовность, жертвуя своей карьерой, проявить желѣзную волю противъ раз-

вращенныхъ войскъ и пулеметами и артиллеріей заставить ихъ проявить хотя бы *minimum* воинской доблести и честности.

Брусиловъ предпочелъ передать все въ руки Керенскаго! Вотъ ново явленный полководецъ! Военное невѣжество ему простительно и было бы странно, еслибы присяжный повѣренный оказался знающимъ и свѣдущимъ военнымъ начальникомъ. Но у этого человѣка безграничное самомнѣніе. Онъ думаетъ, что его рѣчи столь неотразимо дѣйствуютъ на солдатъ, что онъ можетъ заставить ихъ дѣлать все.

Суровая дѣйствительность, казалось бы, должна была разбить это самомнѣніе. Но, кажется, оно еще не исчезло. Неужели нужны еще болѣе тяжкіе уроки и дальнѣйшее пораженіе, чтобы продолжать фиглярство? Гдѣ нужна исключительная власть, тамъ не умѣстны слова, рѣчи, приказы со ссылками на авторитетъ пресловутаго совѣта рабочихъ и солд. депутатовъ . . .

Или Керенскій печально сойдетъ со сцены, доведя Россію до глубокаго военнаго позора въ ближайшее время, или онъ долженъ будетъ очнуться, излечиться отъ своего самомнѣнія и сказать себѣ, что время словъ прошло, что нужна палка, власть, рѣшимость.

Болѣзненная смѣна начальниковъ продолжается. Развратили солдата, сдѣлали изъ него негодяя, развратили вопреки громко высказываемому мнѣнію начальниковъ. А виновными за все безобразіе Керенскій дѣлаетъ начальниковъ. Онъ отнялъ отъ начальниковъ всю власть, дискредитировалъ ихъ значеніе, волю . . . но у него нѣтъ умѣнія и силы воли сознаться въ этомъ. Онъ думаетъ, что дѣло въ начальникахъ и мѣняетъ ихъ. какъ франтиха перчатки.

Балуевъ совсѣмъ непригоденъ для того положенія, въ которомъ находится XI армія, и для той минуты, которую она переживаетъ. Это — заурядный корпусный командиръ, но не командующій арміей, которую онъ принимаетъ послѣ пораженія, въ періодъ полнаго разложенія духовнаго значительной части войсковыхъ единицъ. А для меня еще совершенно неизвѣстны потери въ личномъ составѣ и артиллеріи. Безъ этого не могу составить ясной картины, что же представляетъ изъ себя XI армія.

Тяжело, особенно мнѣ, обреченному на бездѣйствіе, когда гибнетъ родина.

11 іюля.

Сообщилъ С. М. К.,*) что въ XII арміи на фронтѣ XXVIII к. изъ Якобштадтскаго района была произведена атака, взята часть непріятельскихъ окоповъ, но войска предпочли затѣмъ вернуться въ свои окопы. Тоже повторилось въ V арміи.

*) *Фамилия (Крупин) зачеркнута.*

Въ X арміи бой не возобновляется; изъ резерва уходятъ назадъ цѣлыми группами доблестные »товарищи«.

Въ XI арміи — Тарнополь оставленъ нами; при оставленіи городъ разграбленъ, были насилія надъ жителями.

VII армія отходитъ. По телефону трудно установить линію, но повидимому, по Серету на Брикуту—Монастержиску, а VIII арміи приказано отойти на линію Монастержиско—Надворная—Зелена.

Корниловъ приказалъ стрѣлять по отступающимъ и безобразничающимъ »товарищамъ«.

Изъ Петрограда получено вѣстей мало. Финляндія объявила независимость и туда посылаются войска.

По слухамъ Керенскій объявилъ себя диктаторомъ.

Итакъ, въ Галиціи мы оставляемъ почти все, что было взято въ 1916 году, прибавляемъ часть удержаннаго съ 1914 года и держимся въ крошечной части непріятельской территоріи, если только противникъ не будетъ развивать дальше удара, иначе онъ будетъ угрожать нашимъ южнымъ губерніямъ и заставитъ очистить Буковину.

Позоръ арміи развивается.

А фигляръ-министръ, — по слухамъ диктаторъ, — 8 іюля издалъ новое свое произведеніе — приказъ: »приказываю возстановить въ войскахъ дисциплину, проявляя революціонную(!!!) власть въ полной мѣрѣ(?) и не останавливаться при спасеніи арміи передъ примѣненіемъ вооруженной силы. Разложеніе арміи недопустимо . . .« Онъ думаетъ, что загубленную имъ же и комп. дисциплину легко возстановить, что это можно сдѣлать по мановенію волшебной палочки послѣ 3—4 мѣсячной вакханаліи разврата арміи. Онъ отнялъ у начальниковъ всякую власть, уничтожилъ всѣ устои дисциплины, а теперь требуетъ проявленія какой то пресловутой р е в о л ю ц і о н н о й власти въ полной мѣрѣ. Бѣдные начальники! Гдѣ узнаютъ, въ какомъ законѣ прочтутъ они о характерѣ и предѣлахъ этой власти, на кого обопрутся они въ примѣненіи мѣръ, которыя подскажетъ имъ обстановка?

»Разложеніе арміи недопустимо.« Онъ вмѣстѣ съ совѣтомъ рабочихъ и солд. депутатовъ работалъ усиленно въ дѣлѣ разложенія арміи, а теперь по младенчески вопитъ, что разложеніе недопустимо! Нѣтъ мужества признать истинныхъ виновниковъ этого и прежде всего полностью отправить въ бой Петроградскій совѣтъ раб. и солд. депутатовъ, столь много поработавшихъ въ дѣлѣ разложенія войскъ.

Но шкура этихъ господъ пока застрахована.

Для диктаторства у Керенскаго нѣтъ главныхъ данныхъ: умѣнья и спокойной рѣшимости. Кликушество и словоизверженіе теперь дѣлу не помогутъ.

12 іюля 1917.

Газеты заполнены »воззваніями«. Объединенные и необъединенные совѣты солдатскихъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ »вопятъ«: ко всѣмъ гражданамъ Россіи, ко всѣмъ комитетамъ арміи и флота, къ солдатамъ, къ желѣзнодорожникамъ, къ крестьянамъ, къ рабочимъ и работницам ... Литературы этой такъ много, она такъ характеризуетъ минуту, что она заслуживаетъ быть сохраненной для памяти. Переполнены эти воззванія, какъ всегда, словами: »революція, революціонная демократія, отвѣтственность передъ революціей, спасайте революцію, добейтесь подчиненія постановленіямъ большинства дамократіи« ... Но есть и новое слово: откуда то появилась »Россія и родина«. Еще так недавно эти великія понятія совершенно затерялись. Умышленно вычеркнули ихъ изъ своего лексикона наши горе-министры изъ соціалистовъ. Я ни разу не слышалъ и не читалъ, чтобы при своихъ словоизверженіяхъ Керенскій говорилъ солдатамъ о родинѣ, объ ихнемъ долгѣ передъ Россіей, будилъ любовь къ многострадальному, всѣми забытому отечеству. Съ его языка не сходила »революція«, защита ея, отвѣтственность арміи передъ революціонной демократіей.

Не особенно часто напоминали русскому человѣку о »Россіи« и министры изъ кадетовъ. Не знаю почему. Подчинялись ли они общему требованію минуты, были ли они подъ тяжелымъ вліяніемъ своихъ »товарищей«-соціалистовъ, но фактъ несомнѣненъ.

Ту же почти манеру принялъ и Брусиловъ, принявъ должность верховнаго главнокомандующаго. Да и могъ ли онъ поступить иначе, когда свой первый приказъ — обращеніе вождя къ арміи, свое вѣрованіе — онъ отправилъ 26 мая, прежде обнародованія, на просмотръ и утвержденіе г-на Керенскаго! Это было печальное явленіе: главнокомандующій не нашелъ въ себѣ силы воли сказать свое слово подчиненнымъ войскамъ безъ предварительной цензуры министра-соціалиста; этимъ онъ подчинилъ Керенскому не только свое мышленіе, не только выраженіе своей мысли, но и свою волю. Какъ сказалось это въ тяжелые дни разгрома нашей арміи на Тарнопольскомъ направленіи.

Хотя 4 мая на соединенномъ засѣданіи главнокомандующихъ съ членами временнаго правительства, временнаго комитета Гос. Думы и исполнительнаго комитета Совѣта Р. и С. деп. Брусиловъ передъ представителями этого послѣдняго совѣта и отрекомендовался, что онъ уже 12 лѣтъ революціонеръ, но я считаю, что такое признаніе направлено было исключительно къ упроченію своего положенія въ глазахъ новыхъ »господъ«.

Какъ бы то ни было, но несчастіе глубокое и трудно поправимое начинаетъ отрезвлять служителей революціи. Они начинаютъ, повидимому, сознавать свои ошибки. Жестокая классовая борьба, ненависть къ интеллигенціи, мечты о соціалистическомъ счастьи, ослѣпленіе идеями интер-

національзма... заслонили собою Россію, родину. Болѣе искренніе и отзывчивые, какъ Керенскій, быть можетъ пойдутъ во главѣ новаго движенія и желаніе »служить и спасти Россію« станетъ во главѣ всѣхъ остальныхъ стремленій.

Что касается самыхъ воззваній, то они въ остальномъ написаны въ обычномъ стилѣ широко распространенныхъ съ марта этого года воззваній и обращеній. Мнѣ кажется, что ихъ мало читаютъ и во всякомъ случаѣ мало обращаютъ на нихъ вниманья. Думаю такъ потому, что за четыре мѣсяца сколько сказано хорошихъ призывныхъ словъ и фразъ и какъ мало сдѣлано хорошихъ дѣлъ; даже можно вѣрнѣе сказать — какъ много сдѣлано дурного какъ бы въ насмѣшку надъ призывами Гос. Думы, Вр Правительства и разныхъ Совѣтовъ. Слишкомъ много увѣщаютъ, просятъ и никто не заставляетъ. Между тѣмъ человѣкъ созданъ такъ, что по доброй волѣ онъ не захочетъ творить доброе общественное дѣло, поступаясь своими интересами. Вѣрное вообще, такое положеніе особенно вѣрно по отношеніи арміи: кому охота по доброй волѣ жертвовать жизнью; кругомъ пропаганда говоритъ настойчиво — храни свою жизнь, отказывайся сражаться, не слушайся начальниковъ, а правительство, совѣты (впрочемъ только сейчасъ, раньше рѣчь была совсѣмъ иная) увѣряютъ, что нужно жертвовать собою. Увѣряютъ, но не побуждаютъ. Патріотизма нѣтъ, народное воспитанье отсутствуетъ, а въ результатѣ — постыдное бѣгство.

Изъ другихъ вопросовъ дня, возбужденныхъ въ печати, нужно остановить вниманіе на приказѣ Керенскаго отъ 8 іюля о привлеченіи къ отвѣтственности агитаторовъ, призывающихъ армію къ неповиновенію и на телеграмму комиссаровъ при арміяхъ Ю.-З. фронта о необходимости возстановленія смертной казни.

Когда я, исполняя обязанности верховнаго главнокомандующаго, отдалъ распоряженіе въ мартѣ задерживать агитаторовъ и предавать военно-полевому суду, на меня обрушились скверныя газеты, вродѣ »Рабочей газеты« и кажется »Извѣстій Совѣта р. и с. деп.«. Ко мнѣ былъ присланъ ген. Поливановъ убѣждать меня [отдать прик] отмѣнить распоряженіе. Послѣ отказа сдѣлать это, цѣль была достигнута въ Петроградѣ иными путями.

И агитація широкой волной хлынула въ армію. Мутный потокъ ея залилъ все то, что [являлось] сохраняло еще честь и совѣсть. Развратъ началъ распространяться съ ужасающей быстротой; печальные результаты сказались скоро.

Всѣ честные начальники, не смущавшіеся воплями разнузданной черни, совѣтовъ, съѣздовъ... указывали на вѣроятныя послѣдствія. Но кто слушалъ насъ!! Усиленно развращали »на законномъ основаніи«; приказами, декларяціями правъ. Никто изъ реформаторовъ арміи въ »демократическомъ духѣ« не хотѣлъ допускать и думать, что для арміи роется могила, что дисциплина, разъ изгнанная, не можетъ придти по первому зову реформатора.

Жизнь указала, что нарушать безнаказанно законы, выработанные опытомъ народовъ, нельзя. Результатъ печаленъ: армія отказывается сражаться; представители правительства говорятъ о необходимости смертной казни. Какой поучительный урокъ для идеалистовъ, взявшихся руководить жизнью арміи, не зная законовъ исторіи, указаній опыта, не зная человѣка вообще, а русскаго солдата въ частности.

13 іюля 1917.

Вечеромъ 12 числа С. М. К.,*) а затѣмъ ген. Лукомскій по телефону предупредили меня о полученіи отъ Керенскаго Брусиловымъ такой, примѣрно, телеграммы: »предлагаю Вамъ собрать совѣщаніе для обсужденія военнаго положенія на фронтѣ, пригласивъ ген. Алексѣева, Рузскаго и тѣхъ начальниковъ, которыхъ Вы сами признаете нужным.« Въ 1 часъ ночи мнѣ принесли такую срочную телеграмму: »по желанію правительства въ Ставкѣ состоится совѣщаніе, на которомъ крайне необходимо Ваше присутствіе, Михаилъ Васильевичъ. О днѣ совѣщанія въ зависимости отъ пріѣзда Рузскаго буду Вамъ телеграфировать. 12. VII. 917. № 9479. Брусиловъ.«[12])

Сегодня отъ ген. Лукомскаго получена телеграмма, что совѣщаніе состоится въ 15 час. 16 іюля въ воскресенье. С. М. Крупинъ сообщилъ, что кромѣ меня и ген. Рузскаго приглашены ген. Гурко, Калединъ, Клембовскій и Деникинъ.

Выѣду утромъ 15, чтобы имѣть возможность изучить положеніе. Опасаюсь, что не получу данныхъ о современномъ численномъ составѣ частей, наличій оружія въ войскахъ и складахъ, равно о степени обезпеченія огнестрѣльными припасами. Между тѣмъ безъ этихъ данныхъ говорить о настоящемъ, рѣшать вопросъ о будущемъ невозможно.

На совѣщаніи должны принять**) четверо выброшенныхъ капризомъ правительства изъ рядовъ арміи. Въ критическую минуту они оказались необходимыми; они должны представить изъ себя профессоровъ-врачей, собираемыхъ на консиліумъ у постели тяжко больного. Пользующій врачъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, заявилъ о необходимости консиліума.

За все время войны это первый случай. Въ критическіе періоды во время нахожденія верховнымъ главнокомандующимъ Вел. Кн. Николая Николаевича, онъ пріѣзжалъ самъ, приглашая другого главнокомандующаго съ начальникомъ штаба. Никакихъ экспертовъ не искали и не привлекали. Въ бытность во главѣ армій [бывшаго] Императора я никогда не докладывалъ ему о необходимости военнаго совѣта. Знаю, что Государю стороною говорили, что я дѣлаю неправильно и слишкомъ много беру на

*) *Крупин.*

**) *Пропущено, очевидно — »участіе«.*

себя. Во главѣ такихъ докладчиковъ, какъ говорили, стоялъ бывшій воен. мин. ген. Поливановъ. Человѣкъ исключительно канцелярской подготовки, проведшій много лѣтъ своей службы въ Петроградскихъ центральныхъ управленіяхъ, онъ не признавалъ веденія дѣла безъ столь излюбленныхъ совѣщаній и комиссій.

Вести войну и принимать отвѣтственныя рѣшенія можетъ только одинъ человѣкъ. Дурно ли, хорошо ли, но это будетъ рѣшеніе ясное, опредѣленное, въ зависимости отъ характера рѣшающаго. Я всегда избѣгалъ обсужденія приказовъ вмѣстѣ съ другими. У каждаго свое желаніе; свое рѣшеніе; свои доказательства. Мысль отвѣтственнаго начальника отъ такого совѣщанія затуманивается, воля колеблется, рѣшеніе въ большинствѣ случаевъ принимается какое то среднее.

Нареканія, однако, заставили меня въ февралѣ 1916 доложить Государю о созывѣ совѣщанія. Онъ, видимо, принялъ эту мысль съ удовольствіемъ, потому ли, что признавалъ вмѣстѣ съ Поливановымъ пользу совѣщанія, потому ли, что хотѣлъ провести его лично и показать, что онъ вершитель и важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ. Такихъ совѣщаній при мнѣ было два: 11 февраля и 11 апрѣля 1916 г. О нихъ скажу нѣсколько словъ послѣ.

Письмо министру-предсѣдателю А. Ф. Керенскому отъ 20 іюля 1917 г. № 24.

М. Г. Александръ Федоровичъ! Недостатокъ времени на совѣщаніи 16 іюля въ Могилевѣ лишилъ возможности поставить на обсужденіе существеннѣйшіе вопросы, отъ успѣшнаго разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть дальнѣйшее веденіе войны.

Обстановка указываетъ, что четвертая зимняя кампанія 1917/18 года неизбѣжна. При выполненіи ея мы встрѣтимся съ такими затрудненіями, о которыхъ ранѣе не могло быть рѣчи. Тѣ лишенія, съ которыми неминуемо приходится имѣть дѣло всему личному составу дѣйств. арміи, были по плечу нашему солдату лишь тогда, когда дисциплина была надежная, прочная, и когда съ недостаткомъ питанія, съ медленнымъ, запоздалымъ подвозомъ теплой одежды, съ тяжелыми климатическими и атмосферными условіями мирились, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и въ сознаніи своего святого долга передъ родиной.

Передъ Вами 16 іюля открыта тяжелая картина дѣйствительнаго состоянія дисциплины среди солдатъ. Полученныя мною свѣдѣнія говорятъ, что тыловыя дороги покрыты дезертирами какъ на Западномъ, такъ (и особенно) на Юго-Зап. фронтахъ. И это — лѣтомъ, въ благопріятное время года, при полномъ обезпеченіи довольствіемъ. Съ [такимъ] развращеннымъ, забывшимъ долгъ и дисциплину солдатомъ начинать зимнюю кампанію трудно: утечка въ тылъ будетъ столь велика, что ее невозможно будетъ

своевременно пополнять высылаемыми укомплектованіями. Окопы будутъ заниматься войсковыми частями въ столь слабомъ численномъ составѣ, что удерживать позиціи при частныхъ и даже несерьезныхъ ударахъ дисциплинированнаго и настойчиваго противника будетъ трудно.

Если Вами будутъ проведены смѣлою и рѣшительною рукою т е п е р ь ж е всѣ мѣры, указанныя военными членами совѣщанія 16 іюля, то и въ такомъ случаѣ желанные результаты оздоровленія арміи и возрожденія исчезнувшей дисциплины могутъ получиться примѣрно черезъ три мѣсяца при спокойной, но неумолимо настойчивой работѣ начальниковъ всѣхъ степеней, [только черезъ та] и притомъ не только въ дѣйствующихъ, но и въ запасныхъ частяхъ, разсѣянныхъ по всей территоріи государства. Только черезъ такой приблизительно періодъ (въ лучшемъ случаѣ) мы можемъ вернуть [боевую] нравственную упругость солдату и нѣкоторую боевую прочность арміи. Конецъ этого періода совпадаетъ съ началомъ зимы. Слѣдовательно высшее благо родины, необходимость ея спасенія настоятельно требуютъ, чтобы приказы, опредѣляющіе мѣры для воспитанія солдата и возстановленія дисциплины безусловной отмѣны пресловутой деклараціи правъ были проведены безъ промедленій и колебаній. Смѣлость сдѣлаетъ свое благотворное дѣло и я не раздѣляю высказанныхъ на совѣщаніи опасеній, что сегодня будутъ отданы распоряженія, а завтра будетъ рѣзня офицеровъ и старшихъ командующихъ лицъ. Событія въ Петроградѣ 3—5 іюля наглядно показали, что чѣмъ глубже нравственное паденіе толпы, тѣмъ болѣе труслива она и тѣмъ [болѣе] легче пасуетъ [она передъ силою] передъ рѣшимостью и смѣлостью.

Быть можетъ гдѣ либо и произойдутъ эксцессы. Ихъ можно и нужно задавить жестокою рукою. Это [спасетъ] с о х р а н и т ъ н а м ъ д л я п о с л ѣ д у ю щ а г о с о т н и и т ы с я ч и ж и з н е й и устранитъ возможность повторенія бунтовъ.

Не менѣе важный вопросъ предстоитъ рѣшить относительно обезпеченія арміи довольствіемъ. Въ предшествовавшіе годы мы не встрѣчали [почти] трудно одолимыхъ затрудненій въ заготовкѣ въ достаточныхъ количествахъ хлѣба, крупы, сѣна и зернового фуража. Наши магазины имѣли 2—4 мѣсячные запасы. Только съ заготовкою мяса, начиная съ 1916 года, мы встрѣтились съ неодолимыми трудностями, заставившими уменьшить ежедневный раціонъ (къ сожалѣнію очень поздно) и установить мясопустные дни.

И при такихъ [однако] благопріятныхъ условіяхъ не всегда удавалось во время подать къ позиціямъ необходимое количество запасовъ вслѣдствіе затрудненій в ъ п о д в о з ѣ, о чемъ скажу нѣсколько словъ ниже. И при наличіи припасовъ мѣстами и временами жить приходилось впроголодь. Это особенно часто случалось на Кавказѣ и въ Карпатахъ.

Въ настоящемъ году условія заготовки припасовъ и фуража для арміи совершенно измѣнились. [По сравненію съ предшествовавшими годами.] Прежде всего намъ предстоитъ считаться съ сильнымъ неурожаемъ,

поразившимъ часть нашихъ богатыхъ губерній. Работа Мин. Продовольствія усложняется и требуетъ особо заблаговременной разработки плана. Но не въ одномъ этомъ нужно предвидѣть затрудненія. Въ предшествовавшее время и покупка и реквизиціи давали наиболѣе [благопріятные] существенные результаты въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Анархія, постепенно охватывающая нашу деревню, совершенно видоизмѣняетъ для предстоящей хлѣбной операціи условія [покупки] заготовки припасовъ.

Въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось за послѣднее время познакомиться съ положеніемъ этого вопроса, дѣло обстоитъ такъ, что крупныя хозяйства [болѣе] почти ликвидированы или вслѣдствіе прямыхъ захватовъ распропагандированными крестьянами, отрицающими право чужой собственности и болѣе чѣмъ высоко ставящими право своей собственности, или вслѣдствіе условій уборки урожая изъ половины и даже на менѣе выгодныхъ [для себя] условіяхъ, или, наконецъ, прямо по невозможности убрать урожай, такъ какъ крестьяне, не сознавая своихъ и общегосударственныхъ интересовъ, предъявляютъ требованія на такую заработную плату, что владѣльцу остается махнуть рукой на свое хозяйство и готовый урожай: все равно полное разореніе, будетъ ли оно отъ естественной гибели или отъ грабительскихъ аппетитовъ крестьянъ.

Циркуляры, появившіеся 17 іюля, опоздали во первыхъ, во вторыхъ представляютъ хорошія платоническія пожеланія, но безъ реальныхъ возможностей ихъ осуществленія. На что обопрется въ своихъ требованіяхъ губернскій комиссаръ? Вы знаете, что такое волостные комитеты, ихъ дѣятельность и ихъ отношеніе къ требованіямъ комиссаровъ? [Думаю, что нѣтъ.]

Въ конечномъ результатѣ: 1. хлѣба и фуража Россія въ этомъ году получитъ значительно меньшее количество, чѣмъ въ предшествовавшіе годы и 2. наличные запасы будутъ преимущественно распылены по мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Крестьянинъ же, особенно теперь, не склоненъ отдавать свой хлѣбъ государству, а по твердымъ цѣнамъ особенно. Отчасти это имѣетъ основаніе: хлѣбъ отдать по твердымъ цѣнамъ, а купить ситцу, сахару, керосину, серпъ, косу по твердымъ цѣнамъ нельзя, а чаще и совсѣмъ достать на рынкѣ невозможно.

Реквизировать хлѣбъ у крупнаго владѣльца просто и легко. Попробуйте провести это [въ дер] у крестьянина, который теперь предпочтетъ закопать въ землю значительную часть своего урожая.

Быть можетъ какія либо распоряженія уже сдѣланы для перехода урожая въ руки государства, для устраненія утайки и спекуляціи. Но на мѣстахъ пока ничего не сдѣлано, слѣдовательно практически вопросъ [можно] нужно считать не рѣшеннымъ. Что будетъ сдѣлано послѣ, можетъ оказаться запоздалымъ и не могущимъ поправить дѣло.

Я имѣлъ уже случай высказаться выше, что прежній солдатъ умѣлъ

терпѣть лишенія; теперешній неспособенъ на это и недостатки въ питаніи усилятъ дизертирство и легко повлекутъ печальные безпорядки.

Наконецъ, нужно остановиться еще на одномъ вопросѣ, капитальной важности для всего государства, въ частности и для арміи. Собранныя за послѣднее время справки говорятъ за то, что наше желѣзнодорожное хозяйство ухудшается съ каждымъ днемъ. Если дѣло пойдетъ такъ и впредь, то въ октябрѣ-ноябрѣ этого года дороги совершенно не будутъ въ состояніи выполнять и половины предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Вы можете сказать, что я не призванъ говорить объ общегосударственномъ значеніи грядущей желѣзнодорожной разрухи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ, но я не могу молчать о грозныхъ [омъ вліяніи] явленіяхъ, которыя произойдутъ въ районѣ дѣйствующей арміи, когда дороги окажутся безсильными подвозить войскамъ продовольствіе, конскому составу фуражъ и совершать оперативныя перевозки, безъ которыхъ немыслимо провести сколько нибудь серьезныя операціи.

По обоимъ этимъ вопросамъ — обезпеченія продовольствіемъ и сохраненія работоспособности [нашихъ работъ] жел. дорогъ — нужна спѣшная планомѣрная работа и настойчивое осуществленіе ряда практическихъ мѣропріятій правительства.*)

Я не могу умолчать о моихъ бесѣдахъ 17 іюля съ представителями союзныхъ армій при штабѣ верховнаго главнокомандующаго. Въ силу ранѣе установившихся у меня отношеній я имѣлъ возможность выслушать откровенное ихъ слово, ихъ опасенія за пригодность нашей арміи, вслѣдствіе печальной и полной утраты дисциплины, къ какой либо боевой дѣятельности и за возможную утрату Россіей [какой-либо] всякой цѣнности въ качествѣ союзника, если не будутъ приняты мѣры къ возсозданію арміи.

Отдавъ въ теченіи многихъ лѣтъ, а за время войны особенно, всѣ силы мои на служеніе родинѣ, я тяжело переживаю глубокія несчастья и испытанія, выпавшія на долю многострадальной Россіи.

Вамъ много дано Богомъ, въ Вашихъ рукахъ сосредоточена теперь громадная власть и возможность провести въ жизнь то, что можетъ спасти родину и вернуть ей силы, возможность одержать побѣду и развернуть творческую работу для уврачеванія тѣхъ ранъ и болѣзней, которыми родина страдаетъ такъ, какъ никогда въ прошломъ долгомъ ея существованіи.

Вы еще [быть можетъ] можете вдохнуть въ своихъ сотрудниковъ способность къ практической, плодотворной работѣ на благо отечества, чего оно до сихъ поръ не видитъ и не чувствуетъ. [Больно конечно государство и люди, но нѣтъ и умѣлыхъ цѣлителей, которые успѣли бы показать, что они умѣютъ и могутъ бороться съ болѣзнью.] Родина [же] страстно ждетъ

*) *Последний абзац на маленьком листке, вклеенном в текст.*

такой работы. Если будутъ обмануты ожиданья, проклятье народа обрушится на Вашу голову, [Александръ Федоровичъ] если Вы, стоя на столь высокомъ и важномъ посту, не сдѣлаете героическихъ усилій для спасенья родины, заставивъ своихъ сотрудниковъ забыть все остальное и проникнуться единымъ помысломъ и желаньемъ принести жизненную, практическую пользу Россіи.

Прежде же всего нужно возродить армію. Безъ нея гибель родины неизбѣжна. Мѣры для возрожденія извѣстны, онѣ въ Вашихъ рукахъ и все честное, твердое, [и] неколеблющееся, неискательное ждетъ ихъ скораго безповоротнаго осуществленія. Вамъ будетъ принадлежать тогда признательность современниковъ и потомства.

Прошу и т. д.*)

20 іюля 1917.

Вчера, 19-го, изъ Могилева по телефону сообщили вѣсть, что Брусиловъ смѣненъ съ поста верховнаго главнокомандующаго; преемникомъ назначенъ ген. Корниловъ; при этомъ телеграммою Керенскаго Брусилову предложено немедленно выѣхать въ Петроградъ, не ожидая пріѣзда въ Могилевъ Корнилова.

Сегодня въ телеграммахъ получено подтвержденіе этого свѣдѣнія. На Юго-Зап. фронтѣ Корниловъ замѣненъ Черемисовымъ.

Уходъ Брусилова въ штабѣ верх. главнокомандующаго встрѣченъ съ удовольствіемъ и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Думаю, что назначеніе Корнилова будетъ привѣтствуемо и штабомъ и оставшимися честными и вѣрными войсками.

Интереснѣе причины, по которымъ пока [...] всесильный Керенскій — и министръ-предсѣдатель, и военный министръ, и полновластный вершитель всѣхъ вопросовъ во временномъ правительствѣ — свалилъ Брусилова и назначилъ его въ распоряженіе временнаго правительства. Въ свое время меня смели лѣвые революціонные элементы, большевики въ совѣтѣ »собачьихъ« депутатовъ. Я не игралъ въ слова »революція« и »революціонная демократія«. Я зналъ и помнилъ только о Россіи, о несчастьяхъ родины, громко говорилъ, что армія разлагается, что необходимо возрожденіе дисциплины и власти начальниковъ.

Но Брусиловъ учелъ все это. Онъ носился съ революціонными лозунгами, говорилъ языкомъ пріятнымъ для тѣхъ, у кого впереди всего »революція« и гдѣ то безконечно далеко-далеко Россія, которая разсматривалась развѣ какъ объектъ для примѣненія къ ней соціалистическихъ бредней. Онъ отвѣчалъ требованіямъ минуты, подходилъ къ вкусамъ Керенскаго и попалъ въ верховные главнокомандующіе, не имѣя для этого необходимыхъ данныхъ въ смыслѣ умѣнья справляться с широкою стра-

*) *Дальше три с половиной строки зачеркнуто и прочитать не возможно.*

тегической обстановкою и сохранять полное спокойствіе, самообладанье, способность находить выходъ въ самыя грозныя и тяжелыя минуты обстановки. Напротивъ, именно въ такія то минуты онъ терялся и не могъ принимать скорыхъ, опредѣленныхъ рѣшеній. Онъ обладалъ подъемомъ и порывомъ только тогда, когда счастье улыбалось ему, когда дѣйствія войскъ сопровождалось *(Sic!)* успѣхомъ. Не думаю, чтобы неподготовленность Брусилова къ широкой стратегической дѣятельности, къ руководству самостоятельному операціями, не было извѣстно членамъ Врем. правительства въ маѣ 1917 г. и въ частности Керенскому. Но, повидимому, послѣднему хотѣлось отдѣлаться отъ человѣка, напоминающаго, что армія безъ порядка и дисциплины никуда не годна и скорѣе вредна для государства.

Казалось, двѣ единомышленныя силы стали во главѣ вооруженныхъ силъ: профанъ, мечтатель-идеалистъ, думавшій править арміей, уже распущенной, словомъ, убѣжденіемъ; и старый генералъ, почему то рѣшившій плыть по требуемому отъ него теченію. Думаю, что онъ не могъ надѣяться при такомъ порядкѣ успѣть взять въ руки ту толпу, которую Россія считала за армію; какъ старый солдатъ, много лѣтъ прослужившій въ строю онъ, полагаю, понималъ, что объѣзды Керенскаго и его рѣчи въ распропагандированныхъ полкахъ обречены на полную неудачу.

Но Брусиловъ шелъ дружно съ Керенскимъ и, казалось, между ними царило согласіе. Позоръ Россіи, пораженіе XI и части VII арміи на Тарнопольскомъ направленіи всецѣло приписаны потерѣ доблести войскъ ихъ измѣнѣ своему долгу, развращенію солдатъ, отказавшихся драться и жертвовать жизнью во имя счастья, блага и спасенья родины, самое понятіе о коей вытравлено было пропагандою изъ ума и сердца солдатъ. Искусство и дѣятельность вождя остались внѣ подозрѣній, хотя по этой части не все обстояло благополучно въ тяжелые дни позора и имъ предшествовавшіе дни затишья. Слѣдовательно, не погромъ арміи, не позорная военная неудача были причинами паденья Брусилова.

Объясненій, быть можетъ, придется искать въ болѣе низменныхъ побужденія. *(Sic!)* Конечно, могутъ существовать скрытыя отъ посторонняго глаза болѣе или менѣе серьезныя причины »съ точки зрѣнія революціи или революціонной демократіи?« Но, какъ кажется, за ген. Брусиловымъ столь тяжкихъ провинностей по этой части не числится.

Ниже приведу суть совѣщанія 16 іюля въ Могилевѣ. Начало рѣчи Брусилова, занимавшаго председательское мѣсто, но по существу не являвшагося фактическимъ, идейнымъ предсѣдателемъ, отвѣчало его положенію, звучало довольно твердо и убѣдительно; онъ говорилъ о развалѣ арміи и о необходимости рѣшительныхъ мѣръ. Правда, во второмъ словѣ, резюмирующем горячія рѣчи военныхъ членовъ совѣщанія. Брусиловъ уже смягчалъ и шелъ по пути мышленья Керенскаго, но, казалось мнѣ, что прежней близости въ мысляхъ и дѣяніяхъ между этими двумя вершителями уже не было.

Такъ мнѣ казалось 16 числа, а утромъ 17-го у меня въ вагонѣ былъ

директоръ дипломатической канцеляріи штаба верх. гл-щаго, князь Григорій Николаевичъ Трубецкой. То, что онъ мнѣ разсказалъ, какъ живой свидѣтель, можетъ пролить свѣтъ на причины, если только мелкое уязвленное самолюбіе молодого присяжнаго повѣреннаго, выскочившаго въ »большіе забіяки«, можно назвать »причиною«.

Поѣздъ Керенскаго прибылъ въ Могилевъ около 14 час. 16 числа. Кн. Трубецкой встрѣчалъ своего министра И. Д. Терещенко. Вопреки сообщенію въ газетахъ (по чьей то инициативѣ) Керенскаго не встрѣчали на вокзалѣ не только чины, вызванные на совѣщаніе, но и хозяинъ Могилева, ген. Брусиловъ со своимъ начальникомъ штаба. Чѣмъ руководствовался ген. Брусиловъ, не выѣхавъ вопреки установившемуся его обычаю на вокзалъ для привѣтствія военнаго министра и въ то же время главы правительства, я не знаю.

Задѣтый этимъ необычнымъ невниманьемъ за живое, Керенскій не нашелъ въ себѣ такта помолчать и не придать случившемуся значенія, а посчитаться инымъ путемъ съ неугоднымъ верховнымъ главнокомандующимъ. Керенскій, по словамъ слышавшаго лично кн. Трубецкого, отпустилъ тутъ же, обращаясь къ Терещенкѣ фразу, смыслъ которой таковъ, что Брусиловъ раньше заискивалъ, былъ внимателенъ, а теперь позволилъ себѣ не выѣхать для встрѣчи. Начальнику кабинета, полк. Барановскому. было указано вызвать по телефону на вокзалъ Брусилова и Лукомскаго.

Этимъ мы были обязаны тѣмъ, что, собравшись къ назначенному сроку 15 час. на совѣщаніе, прождали 40 минутъ Керенскаго, Терещенко, Брусилова и Лукомскаго. Если главною цѣлью пріѣзда Керенскаго было изученіе мѣръ для возрожденія арміи и выясненія вопроса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, то эти 40 минутъ явились невознаградимою потерею для дѣла. Отъѣздъ въ Петроградъ былъ намѣченъ въ тотъ же день не позже 24 часовъ. Цѣль совѣщанія была столько важна, что нельзя было, хотя бы и для удовлетворенія самолюбія главы правительства, жертвовать 40 минутами.

Неужели же этотъ ничтожный случай былъ послѣднимъ толчкомъ для смѣны главнокомандующаго?! Не хочется вѣрить, но что то подсказываетъ, что недоразумѣніе сыграло свою роль. 17-же числа ко мнѣ заходилъ генеральнаго штаба подполковникъ Лебедевъ, служащій въ управленіи генералъ-квартирмейстера, и передавалъ, что »носятся слухи о замѣнѣ ген. Брусилова Корниловымъ«. Вечеромъ 17 числа я пришелъ уже къ прочному выводу, что дни Брусилова сочтены. Я не предугадывалъ, что сочтены его часы.

Дай Богъ Корнилову силы, терпѣнія, мужества и счастья сладить съ тѣми путами, которые наложены нашими военными министрами послѣдняго времени на главнокомандованіе, которое несетъ отвѣтъ нравственный и служебный за позоръ и пораженія, переживаемые арміей и родиной. Гдѣ власть главнокомандующихъ, командующихъ, всѣхъ офицеровъ? Она отнята этими министрами, отнята полностью, распылена между коллегіальными, нелѣпыми учрежденіями, столь неотвѣчающими духу

вооруженной силы. Быть можетъ, послѣ совѣщанья 16 іюля, Керенскій уразумѣетъ эту истину. Но едва ли онъ найдетъ въ себѣ силу и мужество провести въ жизнь мѣры, которыя могутъ вернуть родинѣ ея надежную и вѣрную вооруженную силу. Керенскій всетаки не умѣетъ стать выше партійнаго работника той партіи, изъ которой онъ вышелъ; онъ не имѣетъ силы отрѣшиться отъ ея готовыхъ рецептовъ; онъ не понимаетъ того, что армія въ монархіи и республикѣ должна существовать на однихъ и тѣхъ же законахъ организаціи и бытія, онъ мечтаетъ о сохраненіи въ арміи »завоеваній революціи«. Въ этихъ мечтахъ его поддерживаетъ его другъ и сотрудникъ, тупой фанатикъ-революціонеръ, Борисъ Савенковъ. *(Sic!)* На совѣщаніи онъ не пошелъ дальше того, что армія революціонная и республиканская не можетъ пойти по путямъ арміи прежней, царской. Повторилъ эту мыслъ и Керенскій. Будемъ снова болтаться между тремя соснами и искать путь, который ведетъ къ созданью какой то фантастической »революціонной« арміи. Пока это исканье привело къ печальнымъ результатамъ: погибла дисциплина и на этой почвѣ дали блестящіе всходы усилья пропаганды; солдатъ потерялъ совѣсть, честь, достоинство и обратился въ негоднаго труса, жаждущаго сохраненія своей дрянной, а по его мнѣнію драгоцѣнной жизни.

Такъ будетъ и впредь. Солдатъ, надъ которымъ нѣтъ власти, нѣтъ суда, бездѣльникъ митингующій цѣлыми днями; трусъ мечтающій только о спасеніи своей жизни, не может быть доблестнымъ воиномъ-борцомъ за родину, самое понятіе о которой имъ утрачено подъ вліяніемъ пропаганды.

Отцы и дѣды теперешняго солдата, какъ залило бы краскою стыда ваши лица, еслибы, вставъ изъ гроба, вы могли увидать поведеніе своихъ внуковъ и дѣтей въ апрелѣ—іюлѣ 1917 года. Вы назвали бы ихъ негодяями, или обратились бы къ тѣмъ, которые сдѣлали все необходимое для развала и разврата арміи, и сказали: »зачѣмъ убили вы душу нашихъ дѣтей и внуковъ, зачѣмъ вытравили вы изъ памяти ихъ службу и работу ихъ дѣдовъ и отцовъ. Уйдите вы, развратители, и уступите свое мѣсто людямъ честнымъ и умѣющимъ«.

21 іюля 1917.

По короткимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ 16 іюля, постараюсь изобразить ходъ [засѣданія] совѣщанія этого числа подъ предсѣдательствомъ Брусилова, при участіи Керенскаго, привезшаго съ собою рядъ лицъ, извѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ и считавшихъ почему то своимъ правомъ занять мѣсто за общимъ столомъ въ этомъ совѣщаніи. Конечно, какая цѣль преслѣдовалась вызовомъ начальниковъ и уже отставленныхъ отъ дѣла и еще стоящихъ во главѣ войскъ, какіе имъ будутъ предложены на рѣшеніе, или въ скромномъ случаѣ »на обсужденіе«, вопросы, никому точно не было извѣстно. Ясно было одно, что пораженіе на фронтѣ, причины его, мѣры

къ задержанію вторженія противника въ предѣлы богатаго Юго-Зап. края — таковы должны были бы быть предметы обсужденія, изученія и рѣшенія. Причемъ были въ качествѣ участниковъ состоящій при воен. мин. ген. Тепловъ,[13]) ничѣмъ не вѣдающій, два морскихъ офицера и даже молодой морякъ, повидимому, адьютантъ морск. мин., т. е. того же Керенскаго.

Главнѣйшими участниками совѣщанія были: Керенскій, Брусиловъ, гл-щій Зап. фр. Деникинъ, гл-щій Сѣв. фр. Клембовскій, ген. Рузскій и я (оба не у дѣлъ), комиссаръ Юго-Зап. фронта »старый революціонеръ« Борисъ Савенковъ *(Sic!)*, мин. иностр. дѣлъ Терещенко, ген. Лукомскій и нач-къ ген. штаба ген. Романовскій, нач-къ морского шт. Максимовъ. Присутствовалъ безъ вызова нач-къ штаба Зап. фр. Марковъ. Отъ штаба верх. гл-щаго были оба генералъ-квартирмейстера: Романовскій и Плющевскій-Плющикъ, полк. Пронинъ и подполк. Тихобразовъ, два отличныхъ офицера ген. штаба, которыми составленъ, конечно, журналъ засѣданія съ записью почти дословно. Такъ, по крайней мѣрѣ, составились журналы совѣщаній 11 февраля, 1 апрѣля и 17—18 декабря 1916 г., 1 мая 1917 г.

Сидѣли затѣмъ безгласные и совсѣмъ ненужные (развѣ кромѣ начальника кабинета воен. мин. полк. Барановскаго) для дѣла спутники воен. мин. Не зналъ ихъ и не интересовался, кто они и зачѣмъ они явились слушателями того, что отъ нихъ слѣдовало бы держать въ секретѣ, особенно сторону оперативную. Вѣдь у насъ такіе сторонніе дѣлу люди не умѣютъ обуздывать своего языка и затѣмъ болтаютъ зря о томъ, что совсѣмъ не подлежитъ общему вѣдѣнію.

Впрочемъ теперь все перемѣнилось. Съ 17—18 іюня въ печать поступаютъ такія свѣдѣнія, которыя болѣе чѣмъ важны для противника; по нимъ непріятель можетъ изучать наши цѣли, намѣренія, составъ войскъ, ихъ духъ дѣйствительную степень разложенія. Кто же накладывалъ узду на печать, естественно стремившуюся дать возможно болѣе и подробнѣе читателямъ. Вѣдь »свобода« понята нами безгранично широко: никакихъ ограниченій, никакихъ обязательствъ, никакихъ стѣсненій. И только тотъ, кто не раздѣлялъ вакханаліи революціи, кто помнилъ свой долгъ передъ »родиной« прежде всего, кто попалъ въ списокъ »буржуевъ« и подозрительныхъ въ отношеніи »революціи«, кто не пляшетъ передъ гнуснымъ учрежденіемъ — »совѣтомъ раб. и солд. депутатовъ« — тотъ лишенъ всякихъ свободъ, а свободы слова прежде всего.

Главн-щій Юго-Зап. фр. Корниловъ, которому должно было бы принадлежать и первое слово и первое мѣсто на совѣщаніи, такъ какъ его фронту принадлежитъ временно рѣшающее значеніе, не былъ вызванъ. Дѣйствительно, ему трудно было бы покинуть свои арміи въ такія исключительныя минуты, которыя переживаютъ онѣ.

Брусиловъ вызвалъ на совѣщаніе Гурко въ силу предоставленнаго ему права. Но вызовъ совпалъ съ отправленіемъ генераломъ Гурко телеграммы Керенскому и Брусилову о необходимости твердой руки въ раз-

рухѣ арміи. Вѣроятно телеграмма была изложена рѣзко и твердо и тонъ ея не понравился Керенскому. Людямъ такого самомнѣнія, какимъ обладаетъ Керенскій; людямъ, взлетѣвшимъ неожиданно на высоту и утратившимъ чувство мѣры, такія обращенія и телеграммы, особливо отъ генераловъ, ненавистны. Керенскій сообщилъ Брусилову, что, если будетъ присутствовать на совѣщаніи Гурко, то ни одинъ изъ членовъ правительства не прибудетъ въ Могилевъ.

Передавалъ мнѣ все это самъ Брусиловъ, прибавившій, что ему пришлось послать три срочныя телеграммы по пути слѣдованія Гурко и одна изъ нихъ нашла его на ст. Минеральныя Воды. Но Гурко доѣхалъ до Могилева, гдѣ я и встрѣтился съ нимъ 15 іюля, видѣлся и 16 числа утромъ передъ его отъѣздомъ въ Петроградъ. Твердый человѣкъ, знающій хорошо положеніе дѣла въ войскахъ, отнесся спокойно къ дрянненькому выпаду Керенскаго, высказавъ только, что если его не хотѣли выслушать здѣсь, то онъ постарается заставить выслушать себя на предстоящемъ съѣздѣ въ Москвѣ.

24 іюля 1917.

Продолжаю только 24 числа. Событія слагаются такъ тяжело для Россіи: руководители ея судебъ столь ничтожны, столь заняты дѣлами л и ч н ы м и и и н т е р е с а м и с в о и х ъ п а р т і й, столь мало думаютъ о положеніи — не преувеличивая, отчаянномъ — родины, столь связаны волею совѣта »собачьихъ« депутатовъ, что не хочется вести запись переживаемому; на душѣ тяжело. Я вообще человѣкъ дѣятельности; быть лѣтописцемъ, хотя бы только для себя, мнѣ не свойственно. Въ минуты гибели Россіи, когда каждый желающій работать, долженъ былъ бы вложить въ дѣло всѣ силы своего ума и воли для помощи отечеству, меня тѣ-же дрянные дѣятели устранили искусственно отъ участія въ общей жизни и въ работѣ. Времени свободнаго много, но отдать его полностью этимъ записямъ не могу: ими я никому пользы и помощи не принесу, тогда какъ всѣ помыслы и желанія направлены къ одному — къ дѣятельности практической, къ возможности отдать на служеніе Россіи все то, что еще сохранилось у меня. Но развѣ это осуществимо теперь? развѣ мнѣ по пути съ Керенскимъ и его настоящей компаніей? развѣ могу я вертѣться безпомощно около слова »р е в о л ю ц і я«, за которымъ скрывается участь Россіи, народа русскаго, наши обязанности передъ родиной . . .

Нѣтъ у русскаго человѣка »родины«; у него сейчасъ только »революція«. Но такъ какъ всякъ по своему толкуетъ для себя это понятіе; такъ какъ забравшіеся на верхи власти и руководства заражены лишь соціалистическими бреднями: такъ какъ они лишены любви къ отечеству и широкаго государственнаго смысла, то мы, русскіе, сейчасъ представляемъ изъ себя безотрадную толпу, не объединенною *(Sic!)* одною мыслью, одною волею, желаньемъ; у насъ нѣтъ идеаловъ чистыхъ, высокихъ, вытекающихъ

изъ сознанія принадлежности къ могучему народу, изъ сознанія своихъ обязанностей къ Россіи и будущимъ нашимъ поколѣніямъ. Всѣ занялись обдѣлываніемъ только своихъ дѣлишекъ, забывая объ общихъ интересахъ. А наше »благовѣрное временное правительство«! Какъ правительство оно отсутствуетъ; какъ собраніе министровъ оно преступно и ничтожно; люди мелкіе, партійные и дальше осуществленія цѣлей своей партіи не идущіе. Намъ неминуемо предстоитъ пройти черезъ періодъ власти исключительно соціалистическаго министерства. Только тогда, когда оно такимъ путемъ докажетъ и свое убожество, и свое неумѣнье справиться съ работой, настанутъ, быть можетъ, иные дни. »Преступники« будутъ свергнуты съ тѣмъ, чтобы и память о нихъ исчезла. Дай Богъ, чтобы тогда вышло на сцену все твердое, сильное, честное, нынѣ находящееся въ угнетеніи. Но когда настанетъ эта минута воскресенья родины и ея спасенія? Гдѣ къ тому времени окажется противникъ? Въ такомъ состояніи новые люди примутъ армію? Тяжело и безотрадно будетъ наслѣдство: безгранична будетъ отвѣтственность этихъ людей передъ родиной. Но не забудетъ зато Россія той безкорыстной работы, того подвига, которыхъ она отъ этихъ людей потребуетъ.

Перехожу къ совѣщанію 16 іюля; началось оно около 4 часовъ дня вмѣсто 3. Причины этого выяснилъ ранѣе.

Предсѣдательское мѣсто занялъ Брусиловъ и онъ было началъ засѣданье съ изложенія »какъ подготовлялась операція на всемъ Зап. фронтѣ«. Но на этихъ вступительныхъ словахъ его довольно безцеремонно прервалъ Керенскій.

»Временному Правительству необходимо выяснить три наиболѣе важныхъ вопроса: 1. стратегическую обстановку и вѣроятныя неизбѣжности; тѣ мѣропріятія, которыя должны быть приняты верховностью властью *(Sic!)*; подготовку населенія, словомъ военно-политическія задачи.

2. Оріентировку и какія требованія и просьбы предъявить союзникамъ.

3. Какія необходимо принять мѣры для возстановленія боеспособности арміи, для прекращенія отступленія и для возстановленія »нѣсколько поколебленнаго положенія на фронтѣ«(!). Выразилъ увѣренность, что мы всѣ »объединены единою мыслью необходимости спасти родину и тѣ завоеванія революціи, которыя не могутъ быть отданы русскимъ народомъ обратно«.

Программа, какъ видно, была поставлена широкая, серьезная и трудно было предположить, чтобы внимательно [серьезно] было возможно разсмотрѣть ее въ теченіи нѣсколькихъ часовъ до отъѣзда Керенскаго, о чемъ стало тутъ же извѣстно. Или предстояло лишь вскользь коснуться всего или совершенно оставить неразсмотрѣнными часть вопросовъ. Совершенно неизвѣстнымъ пока оставалось для участниковъ будутъ ли наши мнѣнія базою для рѣшеній; выработаны ли будутъ въ такомъ случаѣ рѣшенія здѣсь же на совѣщаніи; или мы будемъ выслушаны только въ качествѣ экспертовъ.

Первое обозначало бы свободу дѣйствій Керенскаго, его независимость отъ совѣта раб. и солд. депутатовъ, его искренность въ желаніи идти безповоротно на оздоровленіе арміи. Второе указало бы, что самъ Керенскій только орудіе въ рукахъ совѣта.

Послѣ вступленія Керенскаго слово перешло къ Брусилову. »Положеніе дѣлъ на фронтѣ было таково: главный ударъ возлагался на Юго-Зап. фр. Зап. и Сѣв. фронты выдѣляли ударныя группы для поддержки на своихъ участкахъ Юго-Зап. фр. Больше всего войскъ было на Юго-Зап. фр.; тамъ же были сосредоточены и наиболѣе сильныя артиллерійскія средства.«

»Сообразно съ этимъ разработаны предположенія; провѣрена подготовка на Зап. и Сѣв. фронтахъ. Въ этомъ планѣ, разработанномъ бывшимъ верх. главнокомандующимъ, никакихъ перемѣнъ я не дѣлалъ. Но явились при исполненіи новыя данныя: пѣхота стала менѣе боеспособною; дисциплина пала; не было возможности обучать войска и заставить ихъ вести инженерную подготовку; поэтому плацдармы хромали. Начало операцій, предположенное въ маѣ, пришлось отложить на болѣе позднее время. Приняты были всѣ возможныя мѣры для подъема духа войскъ: ѣздилъ самъ военный министръ, говорилъ съ войсками; помогъ много. Начальствующія лица власти почти никакой не имѣли. Прибѣгли къ агитаціи первоначально совѣта раб. и солд. депутатовъ, затѣмъ комиссаровъ. Работа ихъ дала хорошіе результаты. Хорошо работали исполнительные войсковые комитеты; многіе члены комитетовъ въ бояхъ шли впереди своихъ частей.«

»Но дисциплина не возстановилась. А безъ дисциплины и авторитета начальниковъ не можетъ быть длительнаго боя и побѣды. Вездѣ и былъ у насъ порывъ, который скоро выдыхался, а часто войска безъ нажима непріятеля возвращались обратно въ свои окопы.«

»Нынѣ самое важное прежде чѣмъ разсуждать о стратегіи, обсудить мѣры, какъ возстановить боеспособность арміи. Безъ этого немыслимо принять какое бы то ни было стратегическое рѣшеніе.«

»Чтобы возстановить боеспособность, нужно создать дисциплину. Вернуть старую дисциплину, т. е. на прежнихъ началахъ невозможно; объ этомъ нечего мечтать. Но авторитетъ начальниковъ нужно возстановить. Нужно снова сдѣлать войска послушными. Нынѣ съ ними ничего нельзя сдѣлать: послѣ каждаго приказанія — митинги по суткамъ и въ результатѣ — отказъ отъ выполненія распоряженій. Цѣлыя дивизіи отходятъ, не взирая на уговоры; люди разбѣгаются. Отъ ротнаго командира до главнокомандующаго власти ни у кого нѣтъ. Замѣнить же эту власть работою комиссіи и комитетовъ невозможно. Военная исторія показываетъ, что есть предѣлъ свободѣ арміи. Нельзя представить армію безъ начальниковъ. Нужна внутренняя спайка, нужна власть и авторитетъ у начальниковъ. Солдатъ долженъ слушаться своихъ офицеровъ.«

Вотъ первая часть рѣчи Брусилова. Все пережитое заставило его говорить откровенно, безъ прикрасъ. Была сказана только п р а в д а, какъ

бы она ни была тяжела. Скрывать было не отъ кого, да и не для чего. Пессимизма не было, ибо пока были лишь факты и самые короткіе выводы, скорѣе выписки изъ военныхъ прописей; истины, которыя, казалось бы, можно было и не повторять, если бы всѣ принадлежали къ числу военныхъ. Но за столомъ сидѣли и штатскіе; имъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ пока руководящая роль. Они этихъ истинъ не знаютъ, знать не хотятъ и думаютъ, что армію можно создать на какихъ то иныхъ началахъ; какихъ именно они не знаютъ. Но эти какія то особыя »революціонныя начала« для »самой свободной въ мірѣ арміи« витаютъ въ ихъ незрѣломъ, затуманенномъ фантазіями мозгу.

Слово предоставлено главнокомандующему Зап. фр. Деникину, какъ младшему изъ присутствующихъ. Если можно такъ выразиться, Деникинъ былъ героемъ дня. Онъ говорилъ горячо, убѣжденно, опираясь на факты, не заботясь о томъ, чтобы слова его были всегда пріодѣты въ оффиціальный, приличный случаю, мундиръ; онъ не стѣснялся обвинять, если это было нужно, и присутствующихъ (Керенскаго). Пережившій горькія минуты въ дни наступательной операціи Зап. фронта, испивъ горькую чашу командованія распущенными войсками, Деникинъ рисовалъ печальную, искреннюю картину состоянія арміи, рисовалъ смѣло, съ гражданскимъ мужествомъ честнаго человѣка, для котораго карьерныя соображенія стоятъ на второмъ мѣстѣ.

»До указанія мѣръ для приведенія въ порядокъ арміи, считаю нужнымъ указать, въ какомъ она положеніи находится. Буду говорить рѣзко; [какъ это] дѣлалъ такъ при самодержавіи царя, поступлю такъ и при самодержавіи настоящихъ министровъ и временнаго правительства.«

»Засталъ арміи фронта въ полномъ развалѣ, о которомъ раньше не былъ оріентированъ, такъ какъ проходившія черезъ мои руки донесенія бывшаго главнокомандующаго не давали возможности предполагать такого печальнаго состоянія арміи. Пока не было наступательной задачи войска были условно послушны, но при полученіи приказа о наступленіи все пришло въ состояніе развала. Ни на одну войсковую часть мы разсчитывать не могли. Въ теченіи трехъ недѣль всѣ занимались уговариваніемъ войскъ. Вѣдь репрессивныхъ мѣръ нельзя было примѣнить никакихъ. 48 бат. пошло въ бой. Изъ трехъ корпусовъ одинъ кое-какъ развернулся; второй исполнилъ это только частично; третій даже не развернулся для боя. Къ операціи приступали не только съ ослабленіемъ нравственной стороны, но и съ ослабленіемъ силъ: 4 дивизіи отправлены на Юго-Зап. фронтъ, одинъ корпусъ (XX), какъ сказалъ выше, не нашелъ мужества даже развернуться для боя.«

»Рѣшилъ однако начать бой. На смѣну правофланговой дивизіи двинулъ XX корпусъ. Какъ только дивизіи получили боевыя задачи, одна ушла въ свое первоначальное расположеніе, другая развернула только одинъ полкъ. Уговоры продолжались, велась нравственная подготовка: объѣзжалъ части военный министръ, верховный главнокомандующій. Тѣ

же дивизіи XX к. встрѣтили военнаго министра восторженно, клялись выполнить боевыя задачи. Для характеристики и настроенія, и самаго способа управленія рѣчами и уговорами — на станціи ж. д. уже спустя полчаса депутаты доложили, что полки приняли постановленіе »не наступать.«

»Потійскій пѣх. полкъ, встрѣтившій воен. мин. восторженно, за часъ до наступленія повернулъ назадъ.«

»Верховный главнокоманд. высказалъ мысль, что солдатъ хорошъ, но начальники упустили власть изъ рукъ. Это невѣрно. Власть эта отнята. Наиболѣе восторженно встрѣчали части I Сиб. корпуса, а на слѣдующій день они не выполнили своихъ обѣщаній.«

»Слѣдующимъ элементомъ, разлагающимъ армію, являются комиссары. Быть можетъ на какихъ либо другихъ участкахъ пассивнаго характера они терпимы. Но наличіе ихъ недопустимо, гдѣ рѣшается наступательная операція. Тамъ власть должна быть едина. Комиссаромъ Зап. фр. назначенъ молодой человѣкъ, утопистъ, жизни не знающій, а между тѣмъ, объясняющій свои полномочія такъ: права военнаго министра охватываютъ всю армію; въ частности же на Зап. фр. онъ — комиссаръ — является такимъ же военнымъ министромъ. Пришлось прекратить съ такимъ молодымъ человѣкомъ всякія сношенія и навлечь на себя его нареканія, что генералъ стараго порядка надмененъ и недоступенъ.«

»Есть армейскій [комитетъ] комиссаръ, лавирующій на грани между большевиками и меньшевиками. Ему [Его доклады] принадлежитъ докладъ, что декларація правъ не можетъ удовлетворить солдата. Можетъ ли принести какую либо пользу такой комиссаръ? Есть комиссаръ — не русскій.

3. Разлагающее вліяніе производятъ комитеты. Есть, конечно, и комитеты приличные, дѣлающіе свое дѣло, есть хорошія отдѣльныя лица. Но какъ институтъ — комитеты вредны: они стремятся къ власти, хотятъ захватить ее въ свои руки, устранить начальниковъ. Такъ, фронтовой съѣздъ предъявилъ требованіе, чтобы власть перешла къ нимъ; во II арміи предъявлено требованіе, чтобы властью снабдить исключительно фронтовой комитетъ. Послѣдній въ свою очередь позволяетъ требовать измѣненій въ деклараціи и отмѣны § 14, дающаго право начальнику силою оружія принудить часть или военнослужащаго повиноваться боевому приказу.«

»Нечего говорить о постановленіяхъ комитетовъ »не наступать«; колебанія въ этомъ вопросѣ; совершенно не соотвѣтственную мотивировку, напр., постановленіе Минскаго фронтового съѣзда »не наступать, ибо наступленіе — измѣна революціи«.

»Таково нравственное вліяніе комитетовъ на подготовку къ наступленію.«

»Комитеты ведутъ къ полному развалу власти въ арміи, смѣняя начальниковъ дивизіи (напр., въ 1 Сиб. к. смѣщены к-ръ корпуса, начальникъ

штаба корпуса, начальникъ ударной дивизіи). Пришлось замѣнить почти наканунѣ боя. На фронтѣ такимъ порядкомъ удалено до 60 лицъ.«

»Ротные и полковые комитеты входятъ насильственно во всѣ стороны полковой жизни, вторгаются въ боевые вопросы, въ учебное дѣло.«

»Въ одномъ изъ запасныхъ полковъ фронта на пополненіе выслано 300 оф. и 150 н. чин., ибо остальные полковым комитетомъ уволены въ отпускъ, по окончаніи котораго имъ указано явиться въ части дѣйствующихъ полковъ(??).«

»Наконецъ, комитеты это одно, а члены комитетовъ — другое. Комитеты выносятъ постановленія, а члены, часто большевики, ведутъ агитацію въ противоположномъ смыслѣ.«

»Словомъ, комитеты вводятъ многословіе, вмѣшиваются во все, дискредитируютъ начальниковъ.«

»Вотъ съ какой моральной подготовкой должны были вступить войска въ бой. Я впервые видѣлъ за 3 года войны столь высокую по искусству и результатамъ артилер. подготовку. Но и этимъ не удовлетворилась пѣхота: она предъявляла рядъ неосуществимыхъ требованій. Въ XXXVIII к. признали однако, что артиллеріей ударъ подготовленъ хорошо.«

»Двинулись въ атаку; прошли можно сказать церемоніальнымъ маршемъ 2—3 полосы непріятельскихъ укрѣпленій, дошли до артил. позиціи, принесли прицѣлы отъ вражескихъ орудій ... и всетаки вернулись обратно.«

Ген. Деникинъ читаетъ выдержки изъ краткаго описанія событій и перечисляетъ, кто отказался совсѣмъ идти, кто двинулъ изъ полка въ атаку 30 оффицеровъ и 2½ роты(!).

Характеризуютъ поведеніе войскъ потери:

Тяжело раненныхъ 2½ т.; раненныхъ въ оконечности (палечники) 7½ т. и легко раненныхъ 10 т.

25 іюля 1917.

Письмо Михаилу Владиміровичу Родзянко,

председателю Госуд. Думы.

Дѣла Россіи, нашей родины, о которой вершители нашихъ судебъ, отвѣтственные, а главнымъ образомъ безотвѣтственные, — съ каждымъ днемъ становятся тяжелѣе и безотраднѣе *(Sic!)*. Нехорошо на фронтѣ; стратегическая обстановка на нашемъ югѣ можетъ подарить насъ тяжкими для самолюбія и для коренныхъ губерній сюрпризами. Плохо въ войсковомъ тылу, гдѣ народъ кормитъ не одинъ милліонъ ничего не дѣлающихъ и часто безобразничающихъ бездѣльниковъ. Безотрадно въ общегосударственномъ тылу, гдѣ нѣтъ власти, гдѣ нѣтъ отвѣтственныхъ работниковъ, могущихъ подняться выше интересовъ своей партіи и откинуть безпри-

страстнымъ, безпартійнымъ и талантливымъ взоромъ нужды, желанія, чаянія многострадальной Россіи, народа русскаго въ цѣломъ, а не одного излюбленнаго, и притомъ развращеннаго класса.

16. VII состоялось совѣщаніе въ Могилевѣ. Позвольте Вамъ перечислить тѣ мѣры, на немедленномъ осуществленіи которыхъ настаивали всѣ военные представители совѣщанія. Только эти мѣры позволятъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ оздоровить больной организмъ арміи; вѣрнѣе выразиться — создать кое-какую армію, способную вести бой, т. к. въ данную минуту у насъ арміи нѣтъ. Есть отдѣльныя части, сохранившія вѣрность долгу; есть офицеры и небольшое число солдатъ, готовыхъ гибнуть и жертвовать собою, но нѣтъ массы, спаянной дисциплиною, вѣрою въ начальниковъ, желаніемъ боя и побѣды, способностью проявить мужество и упорство.

Вотъ эти мѣры:

1. Вр. Пр. должно признать свою ошибку и вину въ оцѣнкѣ офицерскаго состава арміи, униженнаго, оскорбленнаго, сознательно, умышленно лишеннаго власти и значенія. Признать ошибку потому, что именно это главнымъ образомъ сгубило армію.

2. Признать, что дѣятели Петрограда не знаютъ арміи, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дѣло въ опытныя руки верх. гл-щаго.

3. Изгнать изъ арміи всякую политику, уничтожить право митинговъ, ибо вся армія обратилась въ безконечно митингующую толпу. Въ митингахъ утонули здравый смыслъ, честь, вѣрность русскаго солдата.

4. Уничтожить декларацію правъ солдата съ слишкомъ легкимъ сердцемъ принятую и подписанную Керенск(имъ).

5. Уничтожить войсковые комитеты и комиссаровъ, которыхъ Керенскій считаетъ »глазами и ушами Вр. Пр.«. Эти два института смели безслѣдно власть войсковыхъ начальниковъ всѣхъ степеней и породили самое опасное для всякой арміи многовластіе, многоголовіе.

6. Поэтому скорѣе возстановить единоличную власть и отвѣтственность начальниковъ. Вернуть то довѣріе свыше, безъ котораго старшій отвѣтственный начальникъ не можетъ отдать всѣ силы духа и ума на выполненіе боевой задачи; нельзя допускать, что бы начальника смущали торчащіе сзади »глаза и уши« человѣка, часто не имѣющаго никакого понятія о военномъ дѣлѣ, но желающаго во все вмѣшиваться и кромѣ »глазъ и ушей« совать всюду и свой »носъ«.

7. Возстановить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему то и ихъ потребовалось назвать военно-революціонными) суды и смертную казнь не только на фронтѣ, но и во всемъ тылу, ибо прибывающія укомплектованія развращены и распущены въ такой мѣрѣ, что появленіе каждой новой партіи пополненій сразу уничтожаетъ въ полку всю работу, которую удалось провести начальникамъ, не взирая на убійственныя условія для такой работы.

8. Создать теперь же отборныя части для воздѣйствія въ бою на массы, имѣя ихъ въ качествѣ резерва и для удержанія порядка въ періодъ мобилизаціи. (Лично считаю большой ошибкой ген. Брусилова и другихъ нач-ковъ, что безполезно погубили лучшихъ людей и массу офицеровъ, пустивъ ударные бат-ны впередъ; за ними никто не пошелъ. Ударные бат-ны должны были составить резервъ и гнать передъ собою малодушныхъ, забывшихъ совѣсть.)

Лично отъ себя добавилъ: 9. не мѣнять, какъ капризная и богатая женщина бросаетъ перчатки, — начальниковъ; гоните слабыхъ, не оказавшихся на высотѣ своего назначенія въ бою, но не гоните по тайнымъ, мутнымъ аттестаціямъ, какъ сдѣлалъ это Гучковъ. Онъ надломилъ составъ начальниковъ, мечтая вызвать въ арміи взрывъ энтузіазма массовымъ изгнаніемъ начальниковъ. 10. Вернуть въ армію тѣхъ честныхъ, твердыхъ служакъ, которые въ послѣдніе мѣсяцы были выжиты изъ частей развращенною солдатскою массою.

Требованія Корнилова Вамъ извѣстны изъ газетъ.[14])

Когда на совѣщаніи послѣ короткаго перечня мѣръ ген. Рузскій предложилъ перейти къ подробному разсмотрѣнію и разработкѣ каждой въ отдѣльности, Кер. отвѣтилъ, что это не входитъ въ задачи совѣщанія, которое должно лишь высказать свое мнѣніе, а разработка мѣръ принадлежитъ Петрограду, что при разработкѣ не должны быть затронуты тѣ начала, которыя завоеваны для арміи революціей(?). При дальнѣйшемъ настояніи военныхъ представителей Кер. выразился, что онъ готовъ оставить постъ Воен. Мин., подписавъ какой угодно приказъ, но убѣжденъ, что если сегодня дойдетъ до массы приказъ, утверждающій намѣченныя мѣры, то завтра же начнется рѣзня офицеровъ и команднаго состава (?).

И вотъ сегодня, когда я Вамъ пишу это письмо, миновало 10 сутокъ со времени совѣщанія, а никакихъ мѣръ, даже самыхъ мягкихъ для оздоровленія арміи не принято, не объявлено. Между тѣмъ потеря каждаго дня невознаградима. 20 іюля я отправилъ объ этомъ письмо Кер-у; высказалъ тамъ убѣжденіе, что не слѣдуетъ опасаться возможности насилій со стороны солдатъ. Во 1-хъ этихъ насилій и безъ того много; во 2-хъ »смѣлость сдѣлаетъ свое благотворное дѣло, и я не раздѣляю высказанныхъ на совѣщаніи опасеній. Событія въ Петрогр. 3—5 іюля наглядно показали, что чѣмъ глубже нравственное паденіе толпы, тѣмъ болѣе труслива она, легче пасуетъ она передъ рѣшимостью и смѣлостью. Быть можетъ гдѣ либо и произойдутъ эксцессы. Ихъ можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранитъ намъ для послѣдующаго сотни и тысячи жизней и устранитъ возможность повторенія бунтовъ«.

Конечно мой голосъ теперь не можетъ имѣть большого вліянія, хотя я и счелъ долгомъ возвысить его не только на совѣщаніи, но и особымъ письмомъ.

Грустно то, что и голосъ ген. Корнилова, звучащій, казалось бы, тверже и настойчивѣе, потому что за нимъ уже разразившаяся катастрофа

на фронтѣ, которой я не имѣлъ еще передъ уходомъ изъ Могилева, тоже пока не будитъ отъ сладкаго сна вершителей нашихъ судебъ. Чего же они ждутъ? Быть можетъ объ этомъ спроситъ Комитетъ Гос. Думы; быть можетъ начнетъ требовать отчета та часть русс. народа, которая еще не погрязла въ партійной борьбѣ, въ соціалистическихъ бредняхъ, заслонившихъ собою Россію и родину. Нужно установить опредѣленно, что нервные объѣзды и рѣчи положительно никакой пользы не приносятъ. Вотъ отзывъ одного строевого офицера полка, удостоеннаго рѣчью Кер-скаго. »Это опереточный пуфъ! Солдатская темная масса не знала и не знаетъ Кер-скаго.« Прибавлю, что не будетъ знать каждаго, кто пріѣдетъ къ ней съ рѣчами, словами, но безъ власти, силы и кулака.

Еще одно дѣло. Припомните, сколько разврата внесли громкія проповѣди, мерзкія дѣла Ленина, Зиновьева, Троцкаго, Луначарскаго, Каменева, Коллонтай и др. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы къ бунту на словахъ и въ печати, захватъ чужой собственности ... не вмѣнялись въ вину. »Боритесь съ ними словом!« ... пока тѣ не совершили преступнаго дѣянія (какъ будто не совершали!). Вотъ что значитъ быть подъ покровительствомъ »Комитета преступленій«, т. е. совѣта р. и солд. депутатовъ.

Зато съ какою легкостью и съ какой постыдною внѣшнею обстановкою арестуютъ г. Гурко, всю жизнь свою отдавшаго на служеніе родинѣ! Дѣло не стало за ордеромъ Кер. Одного письма(!) оказалось достаточнымъ для такого шага. А дѣятельность а служба? Что за дѣло ... было письмо!

Или мелкая трусость людей, вездѣ и во всемъ усматривающихъ грозный призракъ контръ-революціи или — извините — мелкая месть человѣку, который пришелся не по душѣ и котораго, пользуясь властью, можно безнаказанно запятнать передъ Россіей. Я склоненъ думать, что личное нерасположеніе съиграло въ этомъ дѣлѣ большую роль, чѣмъ что либо другое.

Не то ли же побужденіе свергло Брусилова? Въ арміи хорошо знали сильныя и слабыя его стороны; его способность теряться въ тяжелыя критическія минуты. Командный и офицерскій составъ безъ довѣрія встрѣтили его назначеніе. Быть можетъ, прорывъ на Тарнопольскомъ направленіи не безъ порядочнаго грѣха въ смыслѣ управленія. Но для всѣхъ это была только нравственнаго порядка катастрофа, безудержное бѣгство развращенной законами послѣднихъ 4 мѣсяцевъ арміи. За что же такъ неделикатно убрали ген. Брусилова? И мнѣ казалось, что здѣсь обиженное самолюбіе рѣшило вопросъ, а объясненія Брусилова въ Рус. Словѣ только подтвердили это.

Располагали мы министромъ, которому приписываютъ участіе въ событіи Фонарнаго переулка. Теперь воен. мин. обзавелось »управляющимъ«,

краткая автобіографія котораго, отпечатанная въ штабѣ VII а., говоритъ о великихъ заслугахъ настоящаго главы и представителя арміи: убійство Плеве, Мина, в. кн. Сергѣя, организація другихъ убійствъ. Неужели кровь убитаго на большой дорогѣ и кровь убитаго по политическимъ побужденіямъ не одинаково мараютъ руку убійцы? Впрочемъ я сильно отсталъ и психологію дѣятелей нашей революціи постичь не могу.

Прошу и т. д.

P. S. На частномъ засѣданіи Комитета Госуд. Д. было высказано мнѣніе, что преступный приказъ № 1 совѣта солд. и раб. депутатовъ былъ изданъ скорѣе безсознательно, [безъ] чѣмъ съ намѣреніемъ сдѣлать вредъ. 4 мая на томъ засѣданіи въ Маріинскомъ дворцѣ, на началѣ котораго Вы присутствовали, на мое заявленіе, что приказъ этотъ положилъ прочное начало разврату арміи, на мое настояніе работать по возстановленію армій тѣхъ, кто ее развратилъ, возражалъ Церетели: Онъ отвергъ вину совѣта, ибо »приказъ № 1 отвѣчалъ моменту«. Слѣдовательно еще 4 мая дѣятели совѣта [понимали] убѣжденно считали, что развращеніе арміи было имъ нужно для потребностей »момента«. Это выраженіе станетъ историческимъ, какъ извѣстное выраженіе: »послѣ насъ хотя потопъ«. Какъ кажется, мысль, что приказъ сознательно преслѣдовалъ опредѣленныя цѣли, подтверждена громко и въ Стокгольмѣ.

26. VII 1917.

Продолжаю уже 26 іюля суть рѣчи ген. Деникина, всѣхъ интересныхъ подробностей передать не имѣю возможности. Брусиловъ видимо, хотѣлъ сократить изложеніе и, быть можетъ, устранить нѣкоторыя частности, не совсѣмъ пріятныя для тѣхъ или другихъ участниковъ совѣщанія. Обратясь къ Деникину, Брусиловъ среди рѣчи сказалъ: »нельзя ли покороче: времени у насъ немного«. Деникинъ отвѣтилъ, что все намѣченное онъ считаетъ настолько серьезнымъ и важнымъ, что долженъ или высказать все, или на этомъ же прекратить свою рѣчь. Для характеристики рѣчи, тона ея, ея частностей приведу одну часть, касающуюся угнетеннаго положенія въ арміи офицеровъ, забытыхъ правительствомъ, сильно погрѣшившимъ противъ этой честной среды съ забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ служащихъ родинѣ и отдающихъ за нея самоотверженно жизнь.

Пріѣхалъ, говорилъ Деникинъ, въ 703 пѣх. полкъ сенаторъ Соколовъ, одинъ изъ авторовъ приказа № 1 и былъ избитъ солдатами. Случай печальный, рисующій распущенность солдатъ. Какъ же было встречено это событіе? Посыпались сочувственныя телеграммы отовсюду и первымъ воен. министръ, бывшій тогда на Зап. фронтѣ, отправилъ отъ себя выраженіе сочувствія Соколову, а главнокомандующему приказаніе — произвести по этому поводу строжайшее разслѣдованіе и виновныхъ предать

суду. Вся Россія знала объ этомъ. Около того же времени въ 38 пѣх. див. прибылъ вновъ назначенный начальникъ дивизіи, безрукій, доблестный и храбрѣйшій ген. Носковъ. Онъ былъ убитъ предательски въ спину солдатами, находившимися въ строю. Интересно знать, сказалъ Деникинъ, послалъ ли воен. мин. сочувственную телеграмму семьѣ этого доблестнаго, такъ трагически убитаго офицера; отдалъ ли онъ распоряженіе съ тою же энергіей произвести слѣдствіе какъ въ дѣлѣ Соколова? И въ Россіи почти незамѣченнымъ этотъ глубоко возмутительный случай, правда одинъ изъ многихъ и частныхъ по отношенію начальниковъ и офицеровъ.*)

Керенскій въ концѣ первой части совѣщанія, отвѣчая на высказанныя всѣми нами мнѣнія, коснулся вскользь и упрека, столь откровенно брошеннаго ему въ лицо Деникинымъ. »За массою дѣла я сочувственной телеграммы семьѣ ген. Носкова дѣйствительно не посылалъ, но относясь строго безпристрастно къ офицерскому составу арміи, я отдалъ распоряженіе объ обезпеченіи семьи убитаго.«

Всѣ эти господа не могутъ отрицать того факта, что нелюбимое, презираемое и подозрѣваемое ими офицерство, включая и командный составъ, въ дни развала и разврата арміи, одно только въ большей своей части сохранило вѣрность идеаламъ, любовь къ родинѣ, готовность жертвовать собою. И въ дни позора честно жертвовали жизнью. Дорого заплатили. Есть конечно трусы; не мало большевиковъ (Филипповъ, Хаустовъ, Ф. Сиверсъ); выдвинуты, конечно, спеціальные развратители и провокаторы, преимущественно изъ партійныхъ дѣятелей (партійная кличка Абрамъ, фамилія Крыленко). Есть, конечно, слабые духомъ начальники. Но все это меньшинство. Масса же офицерства одна сохранила то, чѣмъ сильна армія, что составляетъ воинскую доблесть: любовь къ родинѣ, чувство долга, самопожертвованіе.

Неохотно сознаются въ этомъ теперешніе вершители нашихъ судебъ и представители »революціонной демократіи«, разные Керенскіе, Савинковы; сознаются съ оговорками ...

Но восторжествуетъ же правда. И въ будущемъ Россія воздвигнетъ памятникъ, хотя бы и нерукотворенный, а въ сердцахъ народа — офицерамъ, а не Керенскимъ. Будутъ помнить и чтить какъ беззавѣтно шли умирать первые, а не о томъ, какъ безконечно болтали вторые, склоняя на всѣ лады »революція« и »революціонная демократія«. Потомство (хотя въ этомъ для офицеровъ утѣха и небольшая) нелицепріятно скажетъ, кто воистинну спасалъ Россію — офицеры или Керенскій съ друзьями.

Матеріальная обстановка для атаки X арміи была такова:

Русскіе	184 бат.	900 ор.	въ бой пошло	138 бат.	900 ор.
нѣмцы					
въ I линіи	17 бат.	300 ор.		29 бат.	300 ор.
въ резервѣ	12 бат.				

*) Пропущено, очевидно, »остался«.

И не взирая на это атака не дала результата вслѣдствіе настроенія войскъ, рѣзко выраженнаго нежеланія драться, вслѣдствіе гибельнаго вмѣшательства войсковыхъ комитетовъ и стремленія всѣ боевые вопросы рѣшать митингами.

Неудача не могла не отразиться на настроеніи войскъ; оно быть можетъ улучшилось по сравненію съ началомъ періода развала. Но мы перешли къ пассивной оборонѣ. Боевая пригодность войскъ по оцѣнкѣ непосредственныхъ начальниковъ опредѣляется заключеніемъ командующихъ III, X и II арміями (Квѣцинскій, Ломновскій, Н. А. Даниловъ), собранныхъ послѣ атаки на совѣщаніе.

Имъ поставлены были вопросы и даны ими отвѣты:

1. Выдержатъ ли арміи маломальски серьезный натискъ противника?	1. Не выдержатъ.
2. Выдержатъ ли наступленіе даже тѣхъ ничтожныхъ силъ, которыя противникъ имѣетъ теперь, не подводя подкрѣпленій?	2. II и III арміи не могли опредѣленно отвѣтить, X а., имѣющая значительныя силы, разсчитываетъ выдержать.
3. Есть ли вообще у насъ прочныя арміи?	3. Пѣхоты у насъ *нѣтъ*.

Самъ Деникинъ высказалъ мнѣніе, что въ данную минуту вѣрнѣе признать, что [пѣхоты] *арміи у насъ нѣтъ*.

Одни законы не могутъ привести армію въ порядокъ, хотя высшая власть уже пришла къ сознанію необходимости возстановить казнь и военно-революціонные суды.

Говорятъ, что причиною развала арміи являются »большевики« и ихъ пропаганда. Это невѣрно. Большевики — это только *черви въ гнойникѣ арміи*. Разрушили армію новые законы, сначала выходившіе подъ давленіемъ Совѣта р. и солд. д., а потомъ вслѣдствіе роковой неизбѣжности проводимые военными министрами. Революціонированіе страны и арміи закончено, теперь должна была бы начаться созидательная работа. Но было уже поздно. Появилась извѣстная декларація правъ солдата. Всѣ начальники дружно высказались до изданія, что она разрушитъ армію; въ такомъ духѣ отвѣтилъ верх. гл-щій Алексѣевъ; этого же взгляда держался и настоящій верх. гл-щій Брусиловъ. И тѣмъ не менѣе декларація прошла.

Но и эти широкія права не удовлетворили темную массу. На Минскомъ съѣздѣ возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ даже тѣхъ слабыхъ ограниченій, кои [были] проведены еще въ деклараціи (приказъ В. Мин. 1917 № 8). Отрицательная литература наводнила войска.

§ 14 деклараціи упразднилъ всякую наказуемость въ войскахъ. Военно-Судное упр. пріостановило дѣйствіе военно-окружныхъ и корпусныхъ судовъ. Армія фактически осталась безъ правосудія.

Власть у начальниковъ отнята; дисциплинарные суды во многихъ частяхъ объявлены подъ бойкотомъ и членовъ этихъ судовъ фактически не желаютъ избирать. Солдаты во многихъ частяхъ не желаютъ выбирать присяжныхъ въ новые суды.

Дисциплина окончательно уничтожена. Офицеры оплеваны. Начальники про(го)няются *(Sic!)*. На Сѣв. фр. В. Министръ обмолвился, что въ 24 часа можетъ разогнать весь высшій командный составъ. Развѣ это не развращаетъ темную массу?

В. Мин. говоритъ, что царская власть водила войска въ бой пулеметами и на убой; революціонная власть поведетъ словами и убѣжденіями.

Но самъ глав-щій и высшіе начальники готовы лично вынести всѣ оскорбленія пусть только поднимутъ, если съумѣютъ, нравственное состояніе арміи.

Послѣ того, когда обездушили начальниковъ, отняли отъ нихъ власть, дискредитировали ихъ, тогда телеграммою объявили: кто изъ начальниковъ не будетъ примѣнять всей силы своей власти, подлежитъ смѣнѣ.

При такихъ исключительныхъ условіяхъ начальники раздѣлились на три категоріи: а) старающихся работать, б) плывущихъ по теченію, в) ползающихъ на брюхѣ передъ новыми властителями.

Относительно офицеровъ можно сказать, что это мученики, угнетенные, униженные, оскорбленные. Для нихъ — одинъ честный выходъ — это смерть.

Вывести армію изъ тяжкаго положенія можно только героическими мѣрами. (Перечисленіе этихъ мѣръ сдѣлано мною въ письмѣ М. Вл. Родзянко отъ 25 іюля 1917.)

Мѣры эти дадутъ свои результаты, но не скоро.

Продолженіе войны для насъ неизбѣжно. Мы должны обратиться къ оборонѣ. Наша оборона и вѣроятное отступленіе всетаки привлекутъ на себя большія силы врага. Мы этимъ исполнимъ нашъ долгъ передъ союзниками. Безъ этого мы явимся предателями.

Судьбы Россіи зависятъ отъ арміи.

Я могъ записать только схему рѣчи ген. Деникина, сказанной съ большимъ подъемомъ, а законченной съ большимъ волненіемъ. Деникинъ попросилъ разрѣшенія на ¼ часа оставить совѣщаніе, чтобы успокоиться и привести свои нервы въ равновѣсіе. Опредѣленность мышленія, ясность, рѣзкость изложенія, откровенность въ сужденіяхъ — таковы отличительныя черты сказаннаго. Искренно или дѣланно Керенскій подалъ руку Деникину, благодаря его за откровенность доклада.

Горечь обиды русскаго человѣка, переживающаго позоръ родины, боль сердца солдата, на глазахъ котораго разрушена армія, возмущеніе начальника, расчеты и работа котораго разрушены развращенною массою, сказались въ словахъ Деникина.

Намъ трудно помириться съ этимъ позорнымъ развалом. Пусть доказываютъ, что и армія переживаетъ ту же болѣзнь, которая схватила всѣ слои русскаго народа, что революція неизбѣжно должна была отразиться на войскахъ, но безъ преступной работы агитаціи и законодательства, безъ преступной бездѣятельности нашихъ новоявленныхъ военныхъ министровъ, ихъ сотрудниковъ, далекихъ отъ арміи, ея не знающихъ, не понимающихъ, организованное войско не могло бы дойти до такой степени паденія нравственнаго. У насъ могъ поколебаться порядокъ, могло понизиться довѣріе, уважение къ начальникамъ, но не въ революціи лежитъ проявленіе трусости, пробужденіе низменныхъ инстинктовъ массы, стремленіе къ сохраненію собственной жизни и пренебреженіе къ жизни ближняго, особенно къ жизни своего офицера и начальника. И потому наша »революціонная« армія, вписавъ позоръ пораженія на страницы своей исторіи, отмѣтила свое участіе въ революціи рядомъ убійствъ и насилій надъ своими начальниками.

Темная масса, натравливаемая и развращаемая, поняла революцію и свободу, какъ право на анархію.

Послѣ Деникина слово было предоставлено главнокомандующему Сѣв. фр. ген. Клембовскому.

Полякъ по рожденію, принявшій лютеранство для поступленія въ академію Генер. Шт., Клембовскій въ скрытномъ, сдержанномъ характерѣ укрылъ свои истинныя чувства къ русскимъ и окружающимъ вообще.

Когда я вернулся въ февралѣ 1917 г. изъ Севастополя послѣ болѣзни, я нашелъ ген. Клембовскаго въ должности помощника начальника штаба верх. глав-щаго. Ген. Гурко счелъ почему то нужнымъ испросить согласіе бывшаго государя на учрежденіе этой должности, не взирая на то, что опытъ указывалъ, что сколько бы ни было »помощниковъ«, они не облегчатъ начальника штаба, ибо и помощники и начальникъ должны будутъ продѣлывать одну и ту же работу, если только всѣ они хотятъ знать ходъ дѣлъ въ арміяхъ. Быть можетъ, частое отсутствіе ген. Гурко изъ штаба по разнымъ дѣламъ, заставило его учредить эту должность, но и самъ Гурко — въ свое отсутствіе, конечно, все передавалъ своему помощнику; въ своемъ присутствіи не находилъ той отрасли управленія, которую можно было бы выдѣлить въ завѣдываніе ген. Клембовскаго. Въ дни моего пріѣзда онъ вѣдалъ дѣлами Дежурства, ставъ совершенно ненужной инстанціей между Деж. Генераломъ и начальникомъ штаба. Такою ролью тяготился и ген. Клембовскій и Деж. Ген. Первый считалъ, что онъ и безполезенъ и униженъ, ибо послѣ самостоятельной полной дѣятельности и отвѣтственности должности командующаго арміей, онъ низведенъ до роли пріемщика докладовъ по Дежурству. Второй говорилъ, что онъ, въ ущербъ дѣлу, отстраненъ отъ непосредственнаго общенія съ начальникомъ штаба.

Оба были правы; должность была лишняя и въ ошибкѣ организаціи крылась причина несоотвѣтственнаго положенія. Но болѣе тяжелое поло-

женіе [бы] принадлежало, конечно, ген. Клембовскому. Обидно сознавать, что онъ не можетъ приложить широко продуктивно свой трудъ.

Клембовскій былъ самолюбивъ, любилъ работать. И это еще болѣе увеличивало тягость его положенія. Онъ обратился съ просьбою урегулировать его положеніе, дать ему самостоятельную область работы, предоставить возможность проявить свое »я«. Вполнѣ соглашаясь со справедливостью желаній, обѣщая сдѣлать все допустимое, я сознавалъ неосуществимость своего обѣщанія.

Сдержанность и скрытность Клембовскаго сказались вполнѣ въ дни совмѣстной работы: онъ ни разу не высказался ни объ общемъ положеніи нашемъ, во второй половинѣ февраля, ни о реформахъ, проведенныхъ за время моего отсутствія изъ штаба. Мы ограничивались строго дѣловыми вопросами текущаго второстепеннаго характера, и быть можетъ, присматривались другъ къ другу.

Мнѣ тяжело было сознавать, что генералъ, привыкшій много работать по должности и начальника штаба Юго-Зап. фр. и командующаго XI арм., былъ обреченъ на бездѣйствіе. Я зналъ, что въ штабѣ Юго-Зап. фр. ему принадлежала и идейная сторона работы, и разработка, такъ какъ Брусиловъ ни къ тому, ни къ другому систематически не былъ подготовленъ. Армія же — для рабочаго человѣка — всегда была и будетъ источникомъ большой работы и неустанныхъ заботъ. Если не всѣ смотрѣли на дѣло такъ, если многіе командующіе арміями, мало дѣлали, мало знали, дѣятельность свою сосредоточивали въ штабѣ, то это указываетъ лишь на то, что мы имѣли мало генераловъ, вполнѣ подготовленныхъ къ обязанностямъ и могущихъ уже на опытѣ пополнить недостатки своей подготовки. Да кромѣ подготовки, умѣнія, нужны были желаніе, подвижность, физическая бодрость, готовность рисковать и нарушать заведенный распорядокъ дня.

Клембовскій [былъ] принадлежалъ къ числу готовыхъ работать и въ штабѣ и въ полѣ.

Ген. Рагоза, командовавшій IV арміей, въ составъ которой долго входилъ XVI к. Клембовскаго, воздавая должное его качествамъ, выразился однако: »несчастливый начальникъ«. Есть категорія людей, которымъ судьба не благоволитъ и которымъ многое не удается. Быть можетъ, къ числу ихъ принадлежитъ и Клембовскій, но самъ я не могу дать такого же опредѣленнаго отвѣта относительно »счастья«. Не лучше ли искать объясненія этого явленія въ другихъ причинахъ. По свойствамъ своего характера Клембовскій не съумѣлъ заслужить не только любви въ корпусѣ, но даже простого расположенія массы. Онъ, вѣроятно, и заботился о солдатѣ, но его сухость, замкнутость, всегда являлись стѣною между нимъ и людьми. Думаю, что онъ хорошо разрабатывалъ свои предположенія, но при выполненіи онъ не могъ приподнять нравственное состояніе войскъ и въ дѣйствія ихъ вдохнуть порывъ и воодушевленіе. Ген. Эвертъ,

тоже долго командовавшій IV арміей, до 17 августа 1915 г. и знавшій Клембовскаго примѣрно числа съ 15—17 августа 1914 г., обмолвился мнѣ въ іюлѣ 1917 г., что корпусъ Клембовскаго »ненавидѣлъ«. И кажется мнѣ, что нерасположеніе играло большую роль, чѣмъ несчастье. Когда мнѣніе Рагозы стало извѣстно впечатлительному и маловдумчивому Брусилову при принятіи имъ Юго-Зап. фронта, онъ просилъ освободить его отъ »несчастливаго« начальника штаба. Пришлось объяснить, что счастье начальника и умѣніе и работоспособность начальника штаба составляютъ наиболѣе желанную комбинацію. Это удовлетворило Брусилова и онъ, повидимому, цѣнилъ Клембовскаго, сдѣлавъ ошибку, тогда, когда согласился назначить его командующимъ XI арміей въ ноябрѣ или декабрѣ 1916 г.

Клембовскій былъ болѣе пригоденъ къ дѣятельности въ должностяхъ, на которыхъ не приходилось соприкасаться съ массами, дара вліять на которыя онъ не имѣлъ.

Въ дни переворота мнѣ сильно нездоровилось. Клембовскій велъ переписку, размѣры которой возросли въ эти дни до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задній планъ; война была забыта; впереди всего стала внутренне политическая сторона; (две строки зачеркнуты) судьба войскъ, двинутыхъ къ Петрограду подъ начальствомъ Иванова, удержаніе всей арміи въ порядкѣ.

Въ то время, когда Лукомскій, генералъ-квартирмейстеръ, выбранный и выдвинутый тоже генераломъ Гурко [за время] въ дни моей болѣзни, ярко опредѣленно сталъ на сторону удаленія отъ дѣла бывшаго Государя,*) Клембовскій ни словомъ не выдалъ своего мнѣнія, своего взгляда. Съ точностью машины онъ выполнялъ указанія, получаемыя отъ меня.

Вѣроятно это осталось небезызвѣстнымъ Гучкову, который при первомъ посѣщеніи Могилева отнесся очень сдержанно къ Клембовскому и завелъ рѣчь о необходимости замѣны его ген. Деникинымъ. Желаніе свое онъ осуществилъ. Клембовскій былъ назначенъ въ Воен. Совѣтъ.

Не смотря на всю сдержанность, Клемб. въ разговорѣ со мной, далъ волю своему негодованію; онъ указывалъ на всю свою предшествовавшую службу, на свой »завидный« послужной списокъ, на несправедливость убрать его въ В. Сов. Я могъ отвѣтить только однимъ, что настаетъ пора, когда удаленіе и переброска генераловъ будутъ зависѣтъ не отъ ихъ качествъ, знаній, предшествовавшей работы, а отъ произвола, той или другой оцѣнки политической благонадежности, отъ аттестацій, идущихъ изъ невѣдомыхъ источниковъ. Я не могъ даже предполагать тогда, насколько всѣ эти причины станутъ первенствующими въ рѣшеніи судьбы каждаго генерала . . . Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Въ апрѣлѣ Клембовскій оставилъ Могилевъ. Послѣ моего удаленія съ поста верх. гл-щаго долженъ былъ покинуть должность гл-щаго Сѣв.

*) *Сначала было написано с маленькой буквы.*

фр. опредѣленный и требовательный Абрамъ Драгомировъ. Вѣроятно по настоянію Брусилова, его замѣнилъ Клембовскій. Гучкова уже не было; вмѣстѣ съ нимъ устранились и препятствія, мѣшавшія Клембовскому снова стать въ ряду дѣйствующихъ лицъ.

Подходилъ ли Клембовскій къ постановкѣ и требованіямъ минуты? Не думаю. Онъ съумѣетъ скрыть свои истинныя чувства къ новымъ проявленіямъ войсковой жизни, но не съумѣетъ измѣнить уродливое, болѣзненное; онъ не проявитъ своего вліянія на комитеты, на массу. Это не всегда удается даже людямъ съ болѣе открытымъ характеромъ, болѣе гибкимъ, болѣе ловкимъ, болѣе примѣняющимся къ теченіямъ. Онъ могъ или сдать свои позиціи въ пользу вредныхъ комитетовъ, или стать въ опредѣленную оппозицію къ этимъ во все вмѣшивающимся организаціямъ.

[Рѣчь] Заявленія Клембовскаго на совѣщаніи 16 іюля интересовали меня, ибо характеромъ ихъ опредѣлялось и положеніе, занятое гл-щимъ въ отношеніи организацій, и его взглядъ на роль и значеніе его самого въ арміяхъ: проченъ ли его авторитетъ, или ему не удалось пріобрѣсти никакого вліянія въ войскахъ.

»По долгу присяги представлю истинную правду объ арміяхъ Сѣв. фр. Она столь же безотрадна, какъ и нарисованная сейчасъ ген. Деникинымъ« — такъ опредѣлилъ вкратцѣ суть своего доклада Клембовскій. Тяжелая дѣйствительность заставила и Клембовскаго внести откровенность въ свой докладъ.

Въ XII а. развалъ достигъ крайней степени. Братаніе идетъ во всю и остановить его нѣтъ возможности. Офицеры подвергаются оскорбленіямъ, пулеметы умышленно портятъ. Кухарки, горничныя изъ Риги пропускаются черезъ сторожевые посты къ нѣмцамъ въ гости и обратно безпрепятственно. Поэтому о насъ противнику все извѣстно.

Ни одно приказаніе не исполняется безъ уговоровъ, упрашиваній, но въ концѣ концовъ почти ничего не приводится въ исполненіе.

Развалъ настолько великъ, что команд. арміей (Радко-Дмитріевъ) не рѣшается для отвлеченія вниманія противника открыть огонь вслѣдствіе полной неустойчивости въ войскахъ. Для братанья черезъ Двину переправляются на лодкахъ.

Мѣстное населеніе заражено германофильствомъ. Вреднымъ элементомъ стали латыши, геройски дравшіеся въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Произошелъ нравственный переломъ: ⅔ Латвіи въ рукахъ нѣмцевъ, только ⅓ осталась у русскихъ; естественно нужно скорѣе ждать свободы отъ нѣмцевъ, чѣмъ отъ русскихъ.

Командующій XII а. не съумѣлъ поставить себя въ отношеніи армейскихъ комитетовъ и упустилъ изъ своихъ рукъ управленіе арміей. Правитъ арміей фактически не Радко-Дмитріевъ, а предсѣдатель солдатскаго комитета солдатъ Роммъ. Комитеты творятъ, что хотятъ.

Комитеты латышскихъ бригадъ состоятъ сплошь изъ большевиковъ

Явочнымъ порядкомъ явился исполнительный ихъ органъ »Искострѣлъ«.[15]) »Окопная правда« вноситъ еще большій развалъ.

Противъ ударныхъ батальоновъ идетъ агитація, не останавливаются передъ насиліями.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Скугаревский Аркадий Платонович, генерал русской армии, участник войн — русско-турецкой 1877—78 г. г. и русско-японской 1904—05 г. г. Вскоре после японской войны был уволен в отставку. Приобрел известность, как строгий критик порядков в армии. Во время Великой войны не играл роли.

2. Имеется в виду ген. Алексей Андреевич Поливанов, военный министр с июня 1915 г. до марта 1916 г. После февральской революции главный советник А. И. Гучкова и председатель »особой комиссии по построению армии на новых началах«. Те, кто уверены в том, что после падения самодержавия можно было предупредить разложение русской армии, считают А. А. Поливанова одним из главных виновников наступившей катастрофы. Во время войны с поляками в 1920 г. ген. Поливанов предложил свои услуги Сов. правительству. Скончался в том же году в Риге во время Сов.-польских мирных переговоров.

3. »Окопная Правда« — орган инициативной военной группы с.-д. (большевиков). Начал выходить в мае 1917 г. в Риге. Издатель — солдатский комитет Новоладожского пех. полка.

»Солдатская Правда« — газета военной организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П.

»Рабочая газета« — газета партии с.-д. меньшевиков, издававшаяся в Петербурге.

4. Гурко Василий Иосифович, генерал русской армии, замещавший ген. М. В. Алексеева во время его болезни на посту Наштаверха. После издания »Декларации прав солдата« В. И. Гурко подал Верховному Главнокомандующему ген. М. В. Алексееву рапорт, в котором заявил, что при создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за вверенную ему армию. Вследствие этого был отрешен от должности. В августе 1917 г. был арестован по распоряжению Керенского; несколько недель спустя был выслан заграницу.

5. Ген. Драгомиров Абрам Михайлович принял после переворота от ген. Рузского главное командование Северным фронтом.

6. Князь Львов Георгий Евгеньевич, Председатель Временного Пр-ва. Ушел в отставку 7 (20) июля 1917 г. Подробнее см. прим. 133 к Уфимскому Гос. совещанию.

7. Кн. Г. Е. Львов обратился к Временному Пр-ву с письмом, в котором заявил о своем несогласии с программой деятельности Врем. Пр-ва, предложенной министрами-социалистами. Особенно кн. Г. Е. Львов возражал против деятельности министра земледелия В. М. Чернова.

8. После первоначальных успехов русских армий Юго-западного фронта в июне 1917 г. австрийцы и германцы перешли 6 (19) июля 1917 г. в контр-наступление и прорвали русский фронт на линии Тарнополь-Злочев. Началось паническое отступление 11-ой армии, обратившееся в бегство, результатом которого было очищение русскими Галиции и Буковины.

9. Крупин Сергей Михайлович, обер-офицер кавалерии. С самого начала

Великой войны состоял в распоряжении ген. М. В. Алексеева, сперва в штабе юго-зап. фронта, а затем в Ставке.

10. Ген. Эрдели Иван Георгиевич, командующий 7-ой армией. Принял участие в выступлении ген. Корнилова и был заключен в Быхове.

Ген. Балуев Петр Семенович, командовал 5-ым арм. корпусом, а затем 11-ой армией. Перешел на службу к Сов. Пр-ву.

11. Генерал от артиллерии Иванов Николай Иудович, главнокомандующий юго-зап. фронтом до начала 1916 года. Затем находился в распоряжении Государя при Ставке. В пёрвые дни февральской революции был послан царем в Петроград для подавления восстания. Умер на Дону в январе 1919 г.

12. Полный протокол Совещания напечатан в журнале »Красная Летопись« (1923 года, № 6).

13. Ген. Теплов Владимир Владимирович, бывший командир лейб-гвардии Финляндского полка, недолго командовал войсками Петроградского Военного Округа в 1917 году.

14. Корнилов прислал телеграмму, в которой были высказаны тождественные требования.

15. Правильнее »Исколастрел«, а не »Искострел« — Исполнительный комитет латышских стрелков. Параллельно существовал »Исколат« — Исполнительный комитет латышей, объединявший большевицки настроенные рабочие элементы Латвии.